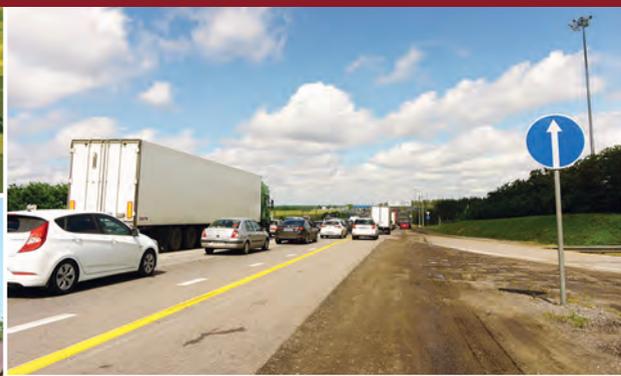

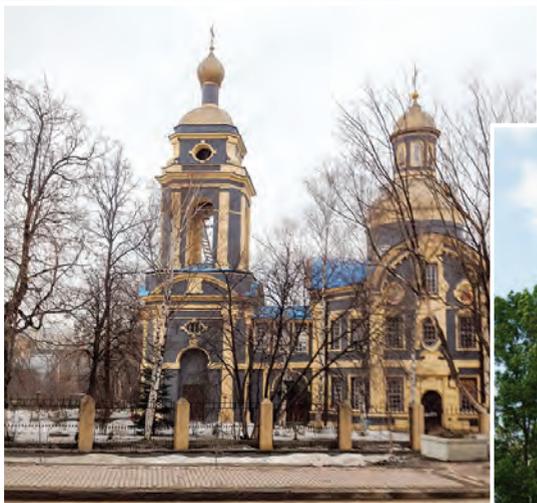
Виктор Коган-Ясный

ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ О РОССИИ – В ТРУДНОМ ПОИСКЕ СМЫСЛА

РОДП «ЯБЛОКО»

Виктор Коган-Ясный

ЧАСТНОЕ МНЕНИЕ

О РОССИИ – В ТРУДНОМ
ПОИСКЕ СМЫСЛА

Политические очерки 2001-2015

УДК 316.3(470)
ББК 66.2(2Рос)
К57

В книге собраны очерки по ситуации в современной России, написанные в 2001–2015 гг. и опубликованные в разных «публичных пространствах». Это описание увиденного, размышления, переданные в тексте беседы на актуальные темы с оригинальными авторским поиском взаимосвязей, обобщениями и умозаключениями.

Коган-Ясный В.В.

Частное мнение о России – в трудном поиске смысла
М.: РОДП «ЯБЛОКО», 2016. – 100 с., цв. обл.

Дизайн, макет, верстка: Пентегов В.В., Донченко А.П.
Корректор: Ионина Н.А.

Отпечатано в ООО «АВК ГРУПП», ИНН 7719838281
105215, г. Москва, ул. Константина Федина, д.17, помещение 33/17

ISBN 978-5-4399-0044-2

© РОДП «ЯБЛОКО», 2016
© В.В Коган-Ясный, 2016
Текст и фото

Содержание

ЗАЧЕМ РОССИИ НУЖНА ДЕМОКРАТИЯ?	4
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА	12
ВЗГЛЯД НА «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	21
ОППОЗИЦИЯ И АВТОРИТАРИЗМ: МЕЖДУ 1988 и 2013	24
ИСПЫТАНИЕ ДУХА БЕЗ БЫТА И ОБЩЕНИЯ	45
МОСКВА. 1917. ЗАЩИТНИКИ СВОБОДЫ. ОБЫВАТЕЛИ. ЖЕРТВЫ. ПОЭТЫ. ПОИСКИ СМЫСЛА. АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ	53
ПОЛИТИКА МЕСТИ: К 25-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР	64
ЕЩЕ РАЗ О «РУССКОЙ ИДЕЕ»	74
В ВОРОНЕЖЕ КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ ПРОХОДИТ ПИКЕТ ЗА МИР	85
СПАС-НА-КАРТОШКЕ	87
ЕСЛИ БУДЕТ МИР И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ	90
БРАТ. СМЫСЛ И ПРЕСТУПНОЕ ИЗВРАЩЕНИЕ	93

ЗАЧЕМ РОССИИ НУЖНА ДЕМОКРАТИЯ?

Так уж повелось, что демократические изменения в нашей стране происходят по большей мере в русле пожеланий западных партнеров нашего руководства. В этом существенная беда подобных преобразований, причина их непоследовательности и поверхностности. Редко, когда наше руководство воспринимало построение открытой демократической системы государственных ценностей как свою важнейшую собственную задачу, которую необходимо решать в жизненных интересах нашей страны. Граждане заинтересованы в демократии, но установить демократическую традицию и создать демократическую идеологию «снизу» невозможно, это может сделать только властная элита. Сейчас, когда уже больше десяти лет не существует классической тоталитарной системы, шанс предоставляется на новом уровне, и только от властей зависит, будет ли он использован или упущен.

Так называемые «политтехнологи», которые пытаются искусственно распределить заранее все роли в нашей общественной жизни путем пропагандистского манипулирования массовым сознанием, неправы. В отношении большинства из них это доказывается, как теорема: они неправы, поскольку интеллектуально не честны. Они высказывают, пропагандируют и внедряют в общество те и только те взгляды, за которые получают деньги или придворный комфорт. Среди них есть такие, кто хватается за власть, деньги и

влияние как за способ существования. Есть и те, кто просто нанят во власть как на работу.

Однако, думаю, в системе власти есть и люди, которые идеалистично, искренне, не по-лакейски, преданы самым циничным идеям в области государственного строительства. Такие, и их много, и их поддерживает очень большой слой нашего общества, искренне считают, что для нашей страны демократия с ее существенными элементами хаотичности проявлений общественной жизни опасна, несет разрушение, и потому вредна и не нужна. По их мнению, само появление у нас демократической модели в последние пятнадцать лет – это политическая ошибка и историческое недоразумение. А поскольку ресурса переделывать историю, как заблагорассудится, пока еще нет (переписывание учебников – не в счет), то надо терпеть «демократию» как некое историческое недоразумение, не более того. Надо максимально ограничить ее реальные проявления, лишить ее всякого содержания, сделать бутафорской и тем самым взять под полный контроль любое ее влияние на реальную жизнь. Они полагают, что, вводя в ими придуманные узкие рамки свободу информации, слова и политической инициативы, они тем самым берут под большой контроль реальную ситуацию в стране, стабилизируют ее и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе.

Я хотел бы сказать таким людям, что они опасно не правы. Демократическая модель, которую после Второй мировой войны сумела выработать и выстрадать вся остальная Европа, несмотря на все свои глубокие изъяны, обеспечивает людям и государству в целом, в том числе и институтам государственной власти, куда большую стабильность, чем любое авторитарное во-

люнтаристическое «стабилизаторство». Те страны Европы, где в период после 1945 года демократия и права человека становились реальным приоритетом всей государственной жизни, не знали ни одного случая настоящей войны на своей территории, ни одного примера государственного переворота. И наоборот, всюду, где накопившийся груз проблем пытались решить вооруженные цинизмом узурпаторы, им либо приходилось со временем кардинально отступить, либо их преследовал крах. Такое происходило и происходит даже в бедных странах, пронизанных национализмом и криминалом, с абсолютно не развитой системой мирных гражданских отношений. Более того, тенденция поиска устойчивости через демократические перемены последнее время заметно вышла за пределы Европы и регионов с европейской культурой. Демократию разъедают цинизм и недальновидная практичность общества потребления, что вызывает крайне опасные глобальные последствия. Но другой продуктивной политической философии все равно никто не придумает, и для нас это важно в особенности.

У нас ни последние пятнадцать лет, ни последние десять никакой реальной демократии не было. Движение в верном направлении намечалось на рубеже 80–90-х, (помните, тогда пытались говорить, что разрешено все то, что не запрещено законом), но шанс был упущен. И дело вовсе не в олигархах, не в коррупции и не в подкупе СМИ. Дело все в том, что в России осталась практически не тронутой сталинская система управления людьми. Эта система была создана такой, чтобы быть прочнее идеологии, экономического уклада, прочнее КПСС, Варшавского договора и самого Советского Союза. И когда сейчас говорят, что

мы больше не делимся на красных и белых, не уходит ощущение, что «объединяющей фигурой» хочет стать призрак Сталина.

У неизменной части нашей системы много аспектов. В организации государственной жизни – это огромный аппарат с неизмеримым числом дублируемых функций, со сложнейшей системой соподчиненности, где характер отношений между должностными лицами «помечается» с виду такими абсурдными атрибутами, как разноуровневая телефонная связь и разные степени допуска к самым мелочным секретам. Весь этот лабиринт воспитывает в государственных управленцах полное безразличие ко всему на свете, кроме вопросов службы и карьеры. Центральный аппарат (раньше – ЦК, правительство и комитеты Верховного Совета, теперь – администрация Президента, правительство и комитеты Государственной Думы) «клонировается» по всей стране до уровня власти в районе, а то и в селе, и разница только в размере и в степени оснащенности такого аппарата, но не в его структуре и организации его власти. Такая власть оставляет за собой все, от вопросов войны и мира до протекающей штукатурки, она одновременно и стихийное бедствие, и благодетель, она всецела и неизменна в своей обособленности и непредсказуемости. И на любом уровне режим может существовать почти неограниченно долго, но стоит сильно измениться внутренним или внешним условиям – и происходит больше, чем общественное землетрясение. Огромная инерция, но она базируется на таком напряжении, что потенциальная неустойчивость прорвется обязательно. Именно поэтому у нас всегда надо ждать больших потрясений и лично для себя, и для общества в целом. И, во многом, поэтому

мы так чужды самостоятельности и ответственности. Мы лишены прежнего «целостного мировоззрения», но, пуще прежнего, инертны и покорны судьбе.

Чтобы не оказаться в историческом тупике, от сталинской системы следует категорически отказаться, порвать с ней преемственность, окончательно признать общегосударственную ответственность за гибель десятков миллионов людей.

Вопреки расхожему мнению, современная цивилизованная демократия лишь в очень узком смысле представляет собой власть большинства. Современная демократия в случае мирного развития общества возникала и возникает только как результат встречного движения граждански активной части общества и властной элиты (или ее части). Революционная масса, уставшая от диктатуры, может «анонсировать» демократию. Переворот в сторону демократии может стать, в том числе, результатом и заговора, и серьезных внешних причин. Но любой катаклизм может послужить лишь толчком, началом трудного, кропотливого и противоречивого процесса, успех которого никакое решительное начало никак не может гарантировать.

Есть вопросы, которые без большинства решить невозможно. Без большинства невозможно выбрать такое высшее начальство, которое, в силу кредита доверия, сможет управлять страной, избегая опасность непрекращающейся общенациональной склоки. Но «прямая демократия», когда самые разные вопросы раз за разом решаются общенародным голосованием, представляет собой явление карикатурное и опасное. (Позволю себе вспомнить не только наши «да-да-нет-да» и белорусскую политическую систему, но и Наполеона III, при котором народ голосовал по всем

поводам. Результат был всегда в пользу императора. При этом его самого, когда он перемещался по Парижу, охраняли стрелки, которые перемещались по крышам домов. А Гюго жил в изгнании. Кончилось это все Парижской коммуной и прусской оккупацией Парижа.)

Базовый элемент демократии – это защищенность политического меньшинства. Демократия – это когда любое, даже самое арифметически ничтожное меньшинство, обязательно будет услышано и, кроме того, если наберет хотя бы небольшой политический вес, то будет представлено в важнейшей гласной представительной структуре – парламенте. При этом и общество в целом, и те, кто несет на себе ответственность за повседневное высшее руководство, оказываются гораздо более защищены, чем в случае произвола безоговорочной власти большинства или монопольного и безгласного авторитарного правления. Меньшинство, не согласное с теми, кто непосредственно и повседневно управляет в стране, т.е. оппозиция, выступает в качестве советника и конкурента. Высшая власть при этом постоянно получает маленькие болезненные оплеухи, но это гораздо лучше, чем, если ее однажды внезапно отправят в нокаут. Ошибаешься, если можешь предвидеть момент нокаута и защититься. Без законной конкуренции опасность переворота увеличивается. Оппозиция, конечно, может быть недобросовестной и провокационной, как и власть, но стратегически это ничего не меняет: демократия все равно более безопасна, чем авторитаризм и несвобода, и способна обеспечить пусть и относительный, но реальный жизненный прогресс с наименьшими потерями.

Много говорят о том, что отвечать за все в государстве должны профессионалы-управленцы, модным

стало выражение: «У нас нет такой профессии – хороший человек». Такая жизненная позиция фальшива. Профессионалы-управленцы могут с чем-нибудь справиться, если у них не выхолощено чувство реальности. Поэтому важнейшим элементом управления в любой области является общественный гражданский контроль. Именно гласность не дает должностным структурам лишиться необходимого кругозора и одновременно служит важнейшим оружием против коррупции и произвола. Гражданский контроль – это общественность, это очень разные люди «с бору по сосенке», им далеко не все можно доверять. Но если при каждой районной управе будет общественный контроль, то вряд ли можно будет заставлять, скажем, школы покупать компьютеры по резко завышенным ценам или принуждать больницы приобретать некондиционные лекарства, произвольно делить фирмы на «уполномоченные» и все остальные.

Решающий инструмент гражданского контроля – множественные независимые СМИ. В условиях, когда есть один слегка независимый телевизионный канал и одна оппозиционная газета, не приходится говорить о плюрализме, о взаимовлиянии общества и власти, о внедрении свежих обоснованных мнений. Тогда не только власть, но и оппозиция имеет соблазн лишь «симулировать деятельность» и продолжать свое существование без работы над собой и без внутреннего развития. В основе обеспечения множественности СМИ – политическая атмосфера и политические решения. В полной мере это относится к газетам. Но, что касается телевидения и радио, кое-что упирается и в технику. Как можно, даже при желании побороть информационную монополию, если телекоммуникации находятся на

уровне 60-х годов? Может быть, имеет смысл разделить по времени каждый федеральный видео- и радиоканал между несколькими собственниками и компаниями.

Демократия в России не может и не должна быть слепой копией традиций Америки или кого-то еще. Никакое тяжеловесное устройство, построенное на имперском или же бюрократическом видении мира, не направит нас по оптимистичному пути. Наш собственный жизненный интерес – открытое и гуманное общество, где можно ставить и решать проблемы по их существу и где, кстати, никто не посмеет относить доброту и жалость к числу слабостей. (Кстати, прошедший «Гражданский форум» с очевидностью продемонстрировал, что проблема не в том, как провести мероприятие, а в том, что граждане и власть станут делать дальше.)

Будет ли избран путь, чтобы каждый в меру своей заинтересованности и объективных возможностей становился свободным участником общественного процесса, или же новая бюрократия будет создавать очередной каркас из множества бессмысленных «общественных» ячеек, где каждый должен будет «знать свое место» и куда «по подведомственности» будут распределяться различные проблемы? Этот сегодняшний выбор за властью. И это выбор нашего будущего. Президент обязан проявить инициативы, закрепляющие независимость, самостоятельность общественно-активных граждан и их объединений, где-то «подтолкнуть» нас к самостоятельности, а не пытаться удовлетворить подспудное желание «ходовоков» собраться в стайку и излить «главному телу» душу о наболевшем.

*Опубликовано в «Новой газете»
в июне 2001 г.*

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА

П

олитика – слово очень многозначное, одновременно и с объективным, и субъективным смыслом, и с общим, и с локальным значением в русском языке. Политика (*politics*) – это, к примеру, принятие государственных решений. Тот, кто в этом участвует, – участвует в политике.

Но человек может этого и не признавать, говорить: «Я – не политик, я – просто общественный деятель», – и будет прав. Потому что в узком смысле политика – это провозглашение не только каких-то частных целей, но и самых общих целей, касающихся основ общества, и предполагает она систематическую ответственность не только за их декларирование, но и за достижение результата, а значит – предполагает постоянную профессиональную работу (не «между прочим») для систематического принятия решений, и в рамках такой работы профессиональное заключение союзов и коалиций как на уровне всего общества, так и внутри групп, связанных с управлением, предполагает борьбу за власть, определенную интригу (хотя последнее может сильно не нравиться).

Наконец, политика – это (то, что по-английски *policy*) линия управленческого поведения, чья-угодно линия, например, линия какой-либо государственной власти. Ну, скажем, когда была политическая линия,

политика, воля на то, чтобы создать гражданское общество в странах Центральной Европы, единая как в руководстве этих стран, так и в Западной Европе и в США, эта задача была, при всех оговорках и трудностях, решена достаточно быстро.

В России и по отношению к России со стороны Запада такой политики, такой линии и воли не было.

Наконец, политика – это и наш выбор, когда мы идем (или не идем) голосовать. Если говорить о гражданской общественной инициативе, то она, конечно же, не то же самое, что политика в том или ином узком смысле. Она более конкретна, локальна по своей сути и поэтому, возможно, шире по охвату людей различного плана и убеждений. Если власть, исходя из интересов общества в целом, в том числе из своих корпоративных интересов, своей политической линией не преследует, более того, не игнорирует и даже приветствует гражданскую инициативу, то инициативы, соприкасаясь с такой властью, становятся идейно разнообразными, широкими по числу участников, становятся общественно-значимыми и дают начало гражданскому обществу. Гражданская инициатива происходит «снизу», с уровня, как говорят, корней травы, «grassroots». Смысл гражданского общества в том, что много людей по своей собственной инициативе участвуют в гражданских инициативах, понимая, что решение тех или иных проблем зависит непосредственно от их творческих усилий. Гражданское общество направлено на решение проблем, оно созидательно по сути, даже если принимает протестные формы, и ответственная перед обществом (и перед самой собой) власть всегда это осознает.

Гражданское общество означает встречное движение обычных инициативных людей и власти. Ведь

важнейшая сфера и ответственность профессиональной политики – это создание атмосферы для продуктивного развития общества. Элементом такой атмосферы является диалог. (Имитация диалога, ритуальные мероприятия, манипулирование, использование с чьей-либо стороны в собственных текущих целях не имеют отношения ни к теме ответственной политики, ни к теме гражданского общества. Также СМИ лишь вторичны, а не первичны по отношению ко всей обсуждаемой нами теме. Тем более не имеет никакого отношения к нашей теме политико-бюрократический плагиат, преднамеренное перехватывание идей у авторов с целью передачи их на реализацию «своим людям» и «затирки» авторов; из этого никогда ничего продуктивного не получается.)

Правильная в технологическом плане инициатива самой власти гражданскую инициативу заменить не может, ответственная властная корпорация и гражданское общество нуждаются друг в друге.

Насколько можно утверждать, что гражданская общественная инициатива находится вне политики? Можно, наверное, при условии, что авторы и участники инициативы со всей тщательностью не высказывают своих предпочтений в плане всего того, что не относится к ней конкретно. Насколько такое возможно – зависит от многих обстоятельств.

В практическом определении «политика» или «гражданская активность», многое, конечно, субъективно и произвольно, и зависит от того, кто и по каким мотивам дает определение (а это делают не на основе тщательных и всесторонних рассуждений).

Руководитель государства может про себя сказать: «Я – не политик», – в том смысле, что он не хочет

быть постоянно вовлечен в управленческий процесс, не хочет во что-то активно вмешиваться без крайней необходимости, а просто стремится лишь смотреть за тем, чтобы все было честно и в порядке.

Смелые люди, которые в Советском Союзе открыто ставили вопрос о нарушении прав человека и международного права, не хотели признавать себя политиками. Они справедливо утверждали, что не участвуют ни в какой интриге, не стремятся осуществить смену властной корпорации, а просто громко говорят правду. Но власть – и не без резона – придерживалась другой точки зрения. Она считала, что эти люди независимостью своих открытых суждений подрывают сами основы ее существования, и сажала их за это в тюрьмы или изгоняла за пределы страны. Как потом оказалось, в своем историческом чутье властная корпорация была права.

Если репрессивная власть считает, что кто-то «влез» на ее территорию, то этот «кто-то», посредством привлечения к нему пропагандистского внимания, сразу же становится политиком, даже сам того абсолютно не желая, даже опасаясь (по моральным причинам или из самосохранения) приложения к себе категорий политического плана. Но на самом деле политиком в такой ситуации не перестает выступать именно только сама властная корпорация. И термин «политический заключенный» означает не то, что человек лишен свободы за свою политическую деятельность, а только то, что власть расправилась с ним, руководствуясь своими политическими мотивами действий и решений.

Хочу сказать об одном важном для меня различии между гражданской активностью и политической ра-

ботой. Политик обязан максимально просчитывать все последствия своих шагов, отвечает за это, – тогда как гражданский активист не несет на себе в такой же мере бремени ответственности за последствия своих действий.

Но понятия, конечно же, широки и переходят одно в другое. Бывают попытки их четко разделить, и они приводят к недоразумениям, к проявлениям гражданской безответственности, если исходят от активных граждан и их сообществ, и к историческим провалам, катастрофам, если исходят от властных корпораций, которые только себя считают компетентными в вопросах общественной важности.

Учитывая сегодняшнюю ситуацию в России, наверное, следует специально остановиться на теме «конкордата». Считаю возможным применить этот исторический термин к такой ситуации, когда авторитарная власть, стараясь не во всем вступать в открытый конфликт с инакомыслящей частью общества и вообще с самостоятельными и инициативными людьми, стремится четко очертить, чем можно заниматься по собственной инициативе и (в той или иной мере) помимо власти, а чем – нет. В зависимости от «мягкости», «либеральности» тоталитарной или авторитарной власти, поле для независимости варьируется, но такая власть всегда считает, что оставляет за собой возможность дать немного свободы и возможность взять ее обратно. Такой характер отношений был присущ, к примеру, отношениям между советским государством и основными религиозными объединениями в СССР после 1945 года (Сталин считал непродуктивным уничтожать людей за сам факт религиозных убеждений и сделал акцент на наблюдении

за их лояльностью власти). В тех или иных границах правила и рамки сосуществования монопольной власти и инакомыслящих выработаны в ряде стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, в Китае. Это наблюдается и на части пространства СНГ. Результат для развития стран внешне разный, но даже во внешне «успешных» государствах очевидно ненадежный, требующий серьезных перемен.

Среди прочего, приходит и мысль об эпохе императора Александра III. Этот царь очень заботился об управляемости государства. И его можно понять: страна огромной территории, с очень плохими коммуникациями, населенная очень разнообразными этносами, абсолютное большинство «простого» населения неграмотно, а образованный слой в значительной своей части стоит в резкой оппозиции политическому режиму, вплоть до «поставок» все новых и новых своих представителей не только в ряды идейных революционеров, но и в отряды вооруженных заговорщиков. Исходя из этого, он очень жестоким образом подавлял все, что касалось попыток изменить его систему правления. Но зато в вопросах благотворительности, здравоохранения, просвещения, местного самоуправления, строительства, модернизации промышленности и транспорта он дал значительную свободу. Образованный класс получил как бы безопасное для царя независимое существование и занятие. И были быстро решены многие важнейшие государственные вопросы: создана система широкодоступного здравоохранения и начального образования, заработали суды присяжных с высокой адвокатской культурой. Империя покрылась сетью железных

дорог, которая работает и поныне. Выросли многие университеты и технические училища европейского уровня. В империи и вокруг нее не было войны. Казалось бы, путь к историческому успеху. Но оказалось, что наоборот. Свободомыслие не допускалось до стержня политической системы, и основы линии царя не подлежали обсуждению. Это обстоятельство привело к тому, что на важнейшие правительственные должности, в том числе на военные, подбирались не передовые специалисты, а люди, преданные царю. И вскоре после смерти Александра III Россия из-за некомпетентности такого типа руководителей попала в тяжелейший военный и политический кризис войны с Японией, людских потерь, утраты военной мощи и территорий, вооруженного социального конфликта.

Вообще, все политическое сословие, и прежде всего исполнительная власть, ее корпорация, команда, несут ответственность за управление государством и за его управляемость, за контролируемость в том смысле, чтобы какая-либо острая ситуация вдруг не стала развиваться стихийно с опасностью для очень многих людей. Это огромная и не выдуманная ответственность, и всегда следует помнить, что политический лидер, будь то монарх, президент, глава правительства, даже лидер или участник организованной оппозиции парламентского характера, или участник общественного движения с широкими задачами, затрагивающими общегосударственные и международные интересы, – это не то же самое, что обособленный гражданский активист отдельно взятой идеи. Вопрос, где и когда лежат какие приоритеты, в какой момент забота о текущем управлении является действительно приоритетной, а в какой момент она пагубна, где

моральная (и рациональная) граница допустимой приоритетности заботы о текущем управлении перед лицом других важнейших рисков и где граница применимых средств, за которой они не оправдывают даже самую искреннюю и верную «общегосударственную» или иную коллективную цель.

Если власть ставит «управляемость» отдельно и выше интересов граждан, если она считает себя ответственной не за граждан, а лишь за управляемость, она имеет в краткосрочной и среднесрочной перспективе шанс на некоторый успех своей линии, но в долгосрочной перспективе такую власть ожидает крах всей создаваемой ею системы.

Завершение

Чтобы был шанс создать гражданское общество, необходима одна предпосылка: должно быть общество. Должна быть страна индивидуальностей, страна, возможно, индивидуалистов, заботящихся о себе, но способных в каждом другом активно уважать равного себе по человеческой природе, способных на доверие совместно со здравым смыслом, не воспитанных всеми окружающими обстоятельствами и длительной практикой в том духе, что единственный способ выжить – это врать и не верить. У людей и в обществе есть место радости и печали, смеху и слезам, но лицемерная насмешница с выпренно-трагическим лицом никакого оптимистического будущего не имеет.

С этим большие проблемы не только там, где многие поколения привыкли жить и выживать по авторитарным или тоталитарным правилам. Во многих странах традиционной демократии последнего полувека на месте соединения гражданственности и ответствен-

ной политики оказывается корпоративная система отношений между людьми, вопросы гражданской и политической ответственности решаются технократически, по-менеджерски, основанные на морали стратегические задачи уходят на далекий план.

Возвращаясь к России и к нашим условиям общественного существования, нам не дано инструмента своей волей или своей энергией менять ход истории. Но, как говорит один мой друг, в такой ситуации свободные люди должны не переставать, кто как умеет, расставлять на своем пути флажки, отмечая ту часть дороги, которая остается свободной. В этом шанс не только не проиграть полностью, но и добиваться победы.

*Из выступления на семинаре
Центра Улофа Пальме
в Великом Новгороде 20-21 ноября 2004 г.*

ВЗГЛЯД НА «ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

«Восточное партнерство» — важная и интересная программа Европейского Союза. Сразу оговорюсь: глупо и неверно противопоставлять эту программу Таможенному Союзу и ЕврАзЭС, полагать, что одно противостоит другому. В моих глазах «Восточное партнерство» имеет две основные задачи.

Первая — это привнесение на постсоветское пространство лучшего из сформировавшейся после Второй мировой войны в Западной Европе политической культуры. Вторая — содействие решению многочисленных вопросов стабильности и безопасности, достижение внутреннего и международного согласия.

Преодоление конфликтов, а не создание новых — вот в чем образ «Восточного партнерства». При этом, в силу своего пока довольно размытого статуса, программа может позволить себе смелые и нестандартные подходы, которые невозможны как для отдельных стран, так и для объединений с четко очерченным статусом.

«Восточное партнерство» — это интересный и серьезный политический startup, которых сейчас по многим причинам не хватает, в этом его плюсы и возможная сила.

Первое, что может, на мой взгляд, «Восточное партнерство» — это начать искать ключи к преодолению «замороженных конфликтов» путем такой дипло-

матии, которая недоступна Европейскому Союзу и ОБСЕ по их статусным причинам. «Восточное партнерство» может налаживать контакты и диалог с кем угодно, независимо от самоназвания, — лишь бы это было полезно.

«Восточное партнерство» может уделять гораздо больше внимания общению с представителями всего политического и общественного спектра стран-участниц, сделать такое общение содержательным, — так, чтобы оно способствовало построению адекватных прогнозов и достижению смелых результатов, направленных на мир, безопасность, свободу и благополучие людей. Сказанное касается в первую очередь Закавказья, а также территории Молдовы.

Второе по порядку, но не по важности (определить порядок важности в таких вещах вряд ли возможно) — тема Украины. В Украине растет поколение людей — и они уже входят в практическую политику — которое не помнит советской власти, не помнит политических перипетий 1980—1990-х (и даже Майдан-2004 уже плохо помнит), для которых независимость — это данность, которую уже как бы нет нужды осмысливать и к которой нет необходимости специально относиться бережно и ответственно.

По этой причине то, чего боялись 20-10 лет назад — регионализация, дезинтеграция по языковому признаку, обострение всевозможных антагонизмов, — все это может стать опасным как раз в предстоящее десятилетие. Реализация европейской перспективы — важнейшее, на мой взгляд, средство консолидации Украины, недопущения тенденций, вредных для нее самой и для ее соседей, прежде всего для Российской Федерации.

Здесь проблема отнюдь не только и не столько в амбициях тех или иных российских деятелей, а именно в том, что если Украина как государство начнет терять идентичность, то этносоциальная логика вовлечет Россию в водоворот опасного развития. Этого категорически необходимо не допустить. (Кстати, пусть в меньшей степени, но похожая опасность существует для Украины и с юго-западного для нее направления, и вовсе не потому, что какие-то правительства хотят вмешиваться.)

Перспектива подключения к «Восточному партнерству» России и, возможно, кого-то еще (Дэвид Кэмерон говорил о чем-то в этом плане во время визита в Астану) уравновесит ситуацию во всем постсоветском регионе, напомнит близким народам и их политическим классам о перспективе и возможности восстановления единства не путем поиска странных и искусственных верхушечных химер, а в направлении нормального для всего огромного региона политического вектора, обусловленного по меньшей мере двухвековой исторической основой.

*Опубликовано 11.07.2013 г.
Smartpowerjournal.ru*

ОППОЗИЦИЯ И АВТОРИТАРИЗМ: МЕЖДУ 1988 И 2013

Никита Алексеевич Струве несколько лет назад заметил: «Что бы ни было, общественное сознание постсоветской России неминуемо должно состоять из трех компонент: той, что унаследована от Российской империи, той, что «выросла» в СССР, и той, что заимствована с Запада, прежде всего из США». «Больше ничего нет», – добавлял он. С таким взглядом еще совсем недавно трудно было не согласиться, и лишь самое последнее время всерьез добавляет в российскую действительность такие ноты, происхождение которых идентифицировать гораздо труднее и смысл которых мы пока совсем плохо понимаем.

К тому, что сказал Никита Струве, можно добавить расширение, что так было, пожалуй, и 50 лет назад во время «оттепельного» соревнования советского официоза и «шестидесятников» и начала правозащитно-диссидентского движения. Так было 25 лет назад во время горбачевской перестройки. Так оно остается и теперь.

Поэтому при поверхностном взгляде многое из того, что происходит в сегодняшней России кажется до боли знакомым дежа-вю для того значительного

слоя людей, который как давно-давно, так и сейчас живет «на зарплату» (в советское время таких было процентов девяносто пять, сейчас – процентов сорок, что тоже немало). Например, авторитарная власть с тоталитарными замашками, цепляющаяся за советскую стилистику и демонстрирующая поразительную устойчивость и одновременно крайне рискованную, не вмещающуюся в логику нелепость многих аспектов своего поведения, что выглядит не иначе как тесно связанным одно с другим.

Емкая песенка Окуджавы «Римская империя времени упадка», которую он сочинил, кажется, в 1980 г. при Брежнев, была актуальна и за двадцать лет до того при Хрущеве, и ощущается очень актуальной все последние двадцать лет, при Ельцине и при Путине-Медведеве. Вот-вот упадет, развалится, – но нет, назло всем пессимистам или недоброжелателям, – держится, других еще как пугает, а потом, если что и случится, то – не обольщайтесь, оптимисты, любители небольшой свободы для всякого маленького человека – быстро восстановится, лишь частично видоизменившись.

Есть в такой картинке что-то фатально-трагичное и одновременно ироническое, и настраивает она, хочешь не хочешь, на несколько циничный лад. Но любой цинизм – большой грех, поэтому попробуем разобраться в деталях и понять, в чем же особенность того, через что мы уже прошли, и того, через что идем теперь.

Попробуем взвесить, в каких аспектах наша перспектива выхода из фатальной общественной болезни, скорее всего, уже полностью упущена, даже если четверть века назад она, возможно, существовала, а в каких аспектах эта перспектива все еще осталась, где и

как можно пытаться ее восстановить, в чем вырисовываются новые, пусть и очень зыбкие, шансы.

Итак, четверть века назад, на фоне безысходности начала 1980-х – советские войска в Афганистане, Сахаров в городе Горьком, политическое удушение польской «Солидарности», смерть и смена престарелых советских начальников, зачищенные «под корень» диссидентские кружки Самиздата, достаточно серьезные разговоры о военном противостоянии с Западом, сбитый южнокорейский лайнер – вдруг появляется очень-очень зыбкий горбачевский тренд, в котором «прочитывается»: что-то можно изменить. Скепсис огромен: непонятно что, непонятно как, «все прогнило», Горбачев авторитарен и дергается то туда, то сюда, считает, что ему все можно, и три года его правления вовсе не очевидно, что он вообще собирается что-то серьезно менять, несмотря на некоторые подвижки. Все время уходят из жизни или непоправимо теряют здоровье как раз те люди, чье участие в переменах было бы крайне необходимо. И все же есть ощущение, что ситуация не бессмысленная.

Желание перемен и надежда на то, что они возможны, невзирая на всю глупость, гнилость и неустойчивость ситуации, – день за днем это настроение приобретает новых сторонников, завоевывает новые и новые пространства, попадает туда, где ему, казалось бы, совсем не место: в недра среднего звена партаппарата, в советские административные органы, суды и даже в КГБ и другие спецслужбы. Это настроение буквально меняет интонацию гула московских улиц. Насчет того, какие нужны перемены, уж точно нет общего взгляда на вещи, мнений множество, общество очень гетерогенно. Но неожиданно оказалось, что ретрограды, ко-

которые хотят только жесткости, больше не имеют монополии формировать реальность.

Разобщенность людей между собой была велика, хотя, конечно, несопоставимо меньше той, которая воцарилась сейчас. И вот разные и разобщенные люди объединились в порыве «отчаянной надежды», стали подчас неожиданно для самих себя что-то предпринимать. Среда, воспитание подталкивали к этому людей, родившихся и выросших в СССР. Наверное, прав был Георгий Федотов, когда заметил, что советская школа, при всех ее уродливых изъянах, распространила на всю страну как стандарт элементы старого дворянского либерального образования и воспитания. А еще было много стариков, успевших пожить до 1917 года (или хотя бы до конца двадцатых) и смутно хотевших дожидаться возвращения хотя бы слабых отблесков того быта и той культурной среды, которую они потеряли.

Весьма скептическое отношение к Горбачеву не мешало почти панически бояться, что его вот-вот снимут «как Хрущева» и поставят на его место какого-нибудь серого и опасного деятеля, вроде известных тогда лидеров ленинградского обкома.

Когда в 1989 году прошли «на четверть свободные» горбачевские выборы Съезда народных депутатов СССР, и впервые после 1920-х годов на глазах у всей страны столкнулись в публичной полемике разные политические направления, то оказалось, что и властная корпорация, и оппозиция ей со стороны либеральных интеллектуалов, при всем недоверии друг к другу, взаимном непонимании логики и характера действий, странным образом исходят из примерно одной и той же общественной диспозиции, из намерения двигать-

ся примерно в одну и ту же сторону, в одном и том же направлении, которое можно было бы – сейчас, задним числом – определить примерно таким лозунгом: «Правда – справедливость – освобождение».

Под таким пониманием целей общественного процесса, могли бы тогда подписаться, пускай и вкладывая весьма разный смысл в слова, и деятели с дисидентским прошлым, и представители советской гуманитарной среды, и тогдашние «хипстеры» – многочисленные советские научные и инженерно-технические работники, сохранившие мировую конкурентоспособность советской науки, энергетики и ВПК, и деятели партийно-государственной номенклатуры. Такое направление находило поддержку Московской патриархии, которая, невзирая на свои известные и не известные широкой общественности проблемы, пользовалась очень большим и многосторонним уважением и внутри СССР, и за его пределами за то, что сохраняла и проповедовала образ человеческого достоинства в условиях преследования, «пленения» и постоянно нависающей опасности на протяжении многих десятилетий.

Эмигрант 1980-го и «возвращенец» 1989-го Владимир Войнович в дни своего первого приезда в Москву после всего-навсего девятилетнего перерыва бросил фразу: «Я не ожидал, что здесь все так серьезно хотят свободы».

Пускай и по-разному, но очень многие хотели восстановления преемственности поколений, ощущали смысл подлинной культуры, понимали невозможность заменять историю пропагандой. В этом была не программа, конечно, но некое общее конструктивное видение, которое не состояло в том, что просто власть

«уже надоела», что «пусть кто-нибудь новый придет, неважно, кто», и т.д., что так распространено сейчас в «уличной оппозиции». Никто тогда не исходил из принципа «чем хуже, тем лучше», заявить такое тогда было крайне плохим тоном. Это при том, что те, кто любил роль лидера толпы, не слишком заботились о повышении уровня политической культуры.

Отметим, к слову, – и это тема исторической заслуги Горбачева и Александра Яковлева – что в Восточной Европе повсюду, за исключением Польши и Венгрии, на фоне грандиозных перемен в СССР был полный застой. Помню, как сотни людей, собравшихся в начале 1989 года в московском Доме ученых на заседание политического клуба «Московская трибуна», голосовали за предложенную Леонидом Баткиным резолюцию с требованием к властям Чехословакии освободить из тюрьмы осуждённого на девять месяцев Вацлава Гавела. Казалось, незыблемо стояла ГДР, где посмеивались над советской перестройкой.

Горбачевская власть не допускала публичного восхваления Сталина. Когда влиятельная часть коммунистической номенклатуры опубликовала за подписью ленинградки Нины Андреевой сталинистский манифест под названием «Не могу поступиться принципами», Александр Яковлев от имени ЦК КПСС опубликовал в «Правде» ответ, представлявший собой безусловное отрицание сталинизма. Пропаганда Горбачевым «общечеловеческих ценностей», стоящих выше классовых и государственных, представляла собой кардинальную ревизию идеологии большевистского государства.

Советский Союз был в исключительной степени мультикультуральным государством, невзирая на иде-

ологическую унификацию, а также осуществлявшуюся повсюду частичную русификацию. Запад Советского Союза социокультурно тяготел к Центральной Европе, и это очень сильно влияло на общественную диспозицию при малейшем ослаблении идеологического «корсета». При том, что жители балтийских республик или Западной Украины в своем большинстве были не в большей степени чужды советского конформизма, чем, скажем, жители Центральной России; тем не менее, у них была на уровне массового сознания некая «европейская мантра», которая в России или других территориях СССР, естественно, наблюдалась меньше. Кстати, в структуре Советского Союза с самого начала была заложена несообразность, когда Российская Федерация считалась главной среди всех республик и во многом политически тождественной самому Союзу, но при этом не имела тех многих полудекоративных политических институтов, которые были в других советских республиках и формировали там местные элиты и номенклатуры. Это, с одной стороны, делало саму структуру Союза внутренне неустойчивой, держащейся на государственной идеологии и силе вождей, а с другой стороны, вело к тому, что путь к преодолению политической косности именно в России выглядел столь трудным и малоперспективным.

На фоне порыва надежды и страха перед откатом в прошлое – «номенклатурным реваншем» – на многие тревожные детали тогда не хотелось обращать пристального внимания. А одним из таких опасных обстоятельств в среде либеральной оппозиции был триумфализм. Лидеры толпы повышали внимание к себе и свое влияние в своей среде тем, что вынуждали многих относиться с завышенным уважением к внеш-

ним успехам отдельно взятых акций, принимать их за успехи процесса в целом, что, разумеется, на самом деле далеко не всегда соотносилось. Многие из этого как будто прямо перескочило из той эпохи в сегодняшний день, безо всяких извлеченных уроков. Тогда казалось, что такая подмена понятий успеха не имеет большого значения, так как уровень общей культуры и гражданской ответственности общественно-активной среды возьмет свое, и «событийный карьеризм» останется неприятным побочным фактором становления и формирования гражданского общества. Позже выяснилась наивность таких ожиданий.

Не могу не отметить еще несколько аспектов, формировавших как оппозиционную деятельность, так и движение всего советского общества в то время.

Среда коммуникации была лишена коммуникационной технологии, а значит, поддерживалась за счет того, что люди (относительно) соответствовали сами себе, над ними не довлела виртуальная составляющая, и что поддержание среды было постоянным трудом, напряжением, ответственностью людей друг перед другом. Это относилось не только к жизни и деятельности в стране, но и в определенной степени к контактам, выходявшим за ее пределы. Люди представляли собой людей, а уже потом – фигуры всякого рода.

Советская экономическая система была построена таким образом, что человек боялся прямых репрессий, тюрьмы, железобетонных ограничений в рабочей карьере, но он не мог быть лишен куска хлеба, минимальной зарплаты и пенсии, на которые можно было выживать, минимальной медицинской помощи.

Зарубежье, и прежде всего «капиталистический Запад», невзирая на многие свои изъяны, обладали

множеством очевидных преимуществ перед советской системой, и эти преимущества носили не столько функциональный, сколько нравственный характер. Запад выглядел христианским, в противовес атеистическому и секулярному СССР. (Несмотря на хиппи и Париж-1968, стабильным социокультурным явлением была консервативно-либеральная послевоенная Западная Европа, где не было эвтаназии, никто не говорил об «однополых браках» и не были видны признаки деградации промышленного производства.) За рубежом жили те русские, которые открыто противопоставляли себя большевизму. К христианскому зарубежью в его многообразии, а отнюдь не к квасному патриотизму во многом тяготела Патриархия.

Революция, которая случилась четверть века назад, была революцией слова, победой живого слова (в каком контексте ни бери), вербальности, вербального общения над казенными знаками и символами. Слово – честное, богатое, искреннее, – противостояло казенной лжи. Русское слово (литовское, украинское, киргизское) победило советские «мемы». Деятели здесь были второстепенны. Внешним отражением значения вербальности было признание всеми (консенсусом) значения образования, в каком-то смысле иррационально-культовое отношение к образованию в тот момент, признание его «сертификатом годности» в любой сфере деятельности. И еще, соответственно, это была, пускай и очень зыбкая, победа саморефлексии, попытки понять сложное, над упрощенчеством коммунистического проекта и большевистской модели поведения.

При этом Советский Союз представлял собой для человечества исторический вызов такого масштаба, что любые процессы, которые в нем шли, любые из-

менения и преобразования приковывали к себе самое пристальное внимание, и почти ни один активный участник этих процессов не мог остаться незамеченным, не выслушанным с его даже самой нелепой политико-философской позицией.

Говоря сегодняшним языком, политический бонус, который Советский Союз, его деятели и граждане получали за преобразования, был если не огромен, то очень значителен. При этом, кстати, разрушать СССР извне никто активно не стремился, такого сценария скорее боялись. Советский Союз и его партийное руководство в ответ на преобразования становятся активными участниками конвергированных общеевропейских и мировых процессов, по крайней мере, именно так казалось. «Парижская хартия для новой Европы» 1990 года провозглашала интеграцию Советского Союза в западный мир, но уж точно не распад СССР, а отношение западного мира к сепаратизму в СССР в лице, прежде всего, балтийских республик, было более чем сдержанным.

Но пошло все совсем иначе. Ни советское руководство и общество, ни Запад не выдержали испытания сложностью того нового вызова, который, как оказалось, представляло собой падение мировой коммунистической системы. Неофитство молодых советских марксистов, быстренько переодевшихся в ультралибералов, не имело ничего общего с христианскими корнями послевоенной западной культуры.

Увлечение картинкой политической интриги на рубеже 1980–1990-х годов привело к тому, что все, что стало касаться конкретных вопросов, за которые неизбежно надо было брать кому-то полномочия и ответственность, очень многое из области политического,

экономического, управленческого «ремесла» перескочило в руки мелких безответственных дельцов, носителей «деляческой культуры» мысли и поведения. И массовые протестные настроения против советской номенклатуры быстро сменились ощущением, что «демократы могут только все развалить», что новые люди ничего не могут создать, а новая номенклатура взяла много плохого от старой и не привнесла ничего хорошего, а лишь добавила цинизм и делячество.

В конце 1980-х – начале 1990-х казалось, что у всех сторонников перемен на пространстве Советского Союза, при всем том, насколько разные это люди, есть общая более или менее одинаково ощущаемая стратегическая цель: превратить все это пространство в новый Восток Европы, идущий путем конвергенции с Западом, с которым они взаимно дополняют друг друга. Правда, некоторые наблюдатели уже тогда предупреждали: у тех и тех своя игра, но как-то не хотелось этому верить. Каково же было разочарование, когда оказалось, что все обстоит именно так или почти так. Команда Геннадия Бурбулиса – Егора Гайдара выбрала странный путь отдельного от всех развития России при курсе на ее политическое и силовое доминирование в СНГ, что привело к очень быстрой эрозии всякой демократии и только-только нарождавшейся культуры права в России, а страны Балтии, вопреки всем ожиданиям «демократической солидарности», повели себя как политические единицы, в удачно пришедшийся момент решившие свои проблемы «деколонизации», поставившие жирную точку на «оккупационном прошлом» и снявшие с себя всякую ответственность за что-либо выходящее за эти нравственно и исторически узкие рамки.

Политические решения обусловили общеизвестную цепь масштабных кровавых событий, сделавших насилие с участием государства частью повседневности и перечеркнувших надежды на преодоление правового нигилизма. Это рисует весьма мрачную перспективу: построить что-либо позитивное и долгосрочное на нераскаянной крови никому не удавалось. Речь не о демократии или еще каких-то инструментах. Просто если столько крови пролито, и государственная власть не только не склонна ставить это себе и всем нам в вину, но скорее склонна ставить в заслугу, то это – не фундамент для здания. И пока это так, ничего стратегически прочного и масштабного создать не удастся. (Впрочем, это не освобождает от ответственности хотя бы фрагментарного созидания.)

В связи со сказанным не могу не отметить, что Конституция 1993 года, не просто фактически подтверждающая традиционно очень большие для России полномочия первого лица, но формально наделяющая президента исключительным лидерским могуществом, усилила тенденции атомизации практически всех существующих в обществе сред и субкультур, больших и малых, и их ориентированность не на институциональный базис, а на своих персональных лидеров, усилила ставшую доходить порой до абсурда «лидероориентированность» СМИ, которым стало необходимо от того или иного сообщества почти всегда иметь в качестве представителя именно первое лицо, начальство, должность. У политики одна из самых существенных функций – педагогическая: дать главное «послание». Это была очень плохая педагогика и очень опасное «послание».

В российской политической элите еще со времени противостояния Ельцина Горбачеву легко находили

себе место национализм и провинциальный изоляционизм. Когда Горбачев в 1991 году выступил союзником США по вопросу об Ираке, российский «ельцинский» Съезд народных депутатов отказался его в этом поддержать. Противники Горбачева также были очень «тверды» в вопросе российского суверенитета над Южными Курилами.

После распада СССР на гламурной витрине основной российской политики стал безбрежный либерализм, но «со двора» с самого начала ощущался отталкивающий привкус политического хамства, неуклюжей провинциальной «державности» и милитаризма. Новая российская номенклатура уже тогда была численно непропорционально раздута, а в основу ее деятельности была положена бессмысленная и формальная исполнительность. Уже тогда сложился прочный союз «либералов»-технократов с милитаристами и «державниками» из числа реакционной части старого советского чиновничества.

В этом смысле силовая, стойившая множества жертв победа Ельцина над вышедшим из-под его контроля Верховным Советом в октябре 1993 года, при том, что в практическом плане она означала победу круга людей, которые были способны как-то руководить страной над тем кругом, который был на это не способен в принципе, в мировоззренческом плане означала скорее победу более сильного военно-политического клана над более слабым, нежели торжество одних идей над другими.

Вырос сначала ельцинский постсталинизм, потом, укрепляя и усиливая его тенденции, возник «феномен Путина», квазиидеология и практика «путинизма». Смысл и того, и другого явления (у второго это проявляется более отчетливо и последовательно) состоит в

эксплуатации в самом примитивном, «ходячем» виде идеи самодостаточности России как особого по отношению ко всему остальному миру социокультурного феномена и приписывании российскому государству (не нации) особых свойств и функций, отличных от свойств и функций других государств. При этом государство отождествляется с властью предрешающими, чья каста наделяется особыми полномочиями трактовать и интерпретировать по своему усмотрению все стороны действительности, от вопросов текущей политики и экономики до истории, нужным образом связывая их между собой. Смысл лояльности граждан сводится при этом к внешнему исполнению предписаний правящей касты, невзирая на их возможную нелепость и противоречивость.

У каждой нации есть свои особенности, положительные или отрицательные, развивая которые, она может достигать важных результатов для себя и для окружающего мира, или же, наоборот, впадать в опасные провалы, распространять «негативную атмосферу». Если в чем российская традиция и достигла очень значимых рубежей к началу XX века, так это в таком не столь заметном поверхностным взглядом, но критически важном элементе жизни, как саморефлексия – личная и общественная.

Что же мы имеем сейчас? Прежде всего, в качестве реакции на постоянные к месту и не к месту сопоставления и сравнения с разными этапами советской эпохи и на прогнозы, построенные на аналогиях с далеким прошлым, хочется сказать, что мы имеем эффект «остановившегося времени». Шестьдесят лет после Сталина, двадцать с лишним лет после СССР – это исторические промежутки. Это промежутки не политического мас-

штаба, а исторического, когда не просто лидеры меняются, властные элиты, системы, но меняются поколения. И в этом плане почти всеобщее ощущение аналогии, постоянное воспоминание тех или иных этапов советского прошлого, постоянный рефлекс сопоставления так, как будто давно ушедшая эпоха закончилась только что год назад, а то и просто вчера, – все это свидетельствует о какой-то особой ущербности, пустоте прожитого за более чем двадцать лет времени и о примитивизации хода мысли на фоне грандиозных политических, технологических и культурных перемен.

Еще – как ни банально это прозвучит – постоянные к месту и не месту аналогии свидетельствуют о пронзительной силе того хамства, «ноу-хау» которого были действительно внедрены «сталинскими соколами» и передаются в номенклатуре из поколения в поколение помимо идеологии, схемы государственных границ, экономической модели и маршрута технического прогресса. Проблема сегодняшнего дня в том, что хамство перестало быть монополией правящей номенклатуры, а культура и интеллигентская гражданственность – признаком оппозиционности на уровне личности. Хамство в его прежде сформированных «ноу-хау» довольно успешно диверсифицировалось в социальные среды, совершенно по-разному позиционирующие себя по отношению к власти и ее номенклатуре. Жлобство и пошлость не просто существуют, они стали предметом гордости, своеобразным критерием уже достигнутого или будущего успеха. Торжествует подход «среди волков жить – по-волчьи выть», и этот подход принципиально антикультурен и антикреативен. Он не может создать ничего нового, даже если открываются совершенно новые витрины, совершенно по-новому органи-

зуются планировка квартир, а технический прогресс и потребительский бум поражают своей умопомрачительностью.

Общество делится на почти не взаимодействующие между собой, даже почти непересекающиеся субкультуры, которые, в свою очередь, дальше дробятся. Межличностные отношения сменяются деловыми отношениями «по поводу». Это удобная ситуация, чтобы внедрять в массовое сознание очень примитивные позиции по общественным и государственным вопросам, позволяющие гражданам снимать с себя личную за них ответственность или же, наоборот, воспринимать эту ответственность в крайних, подчас очень своеобразных и причудливых категориях.

Оппозиция в этих обстоятельствах понимается двояко, совершенно по-разному. Одно понимание – это приверженность идее изменить характер государства на более свободный, креативный, активно связанный с окружающим миром. Другое – просто сменить правящую касту, или, того проще, начальника в уже существующей, «переприсягнуть» от Путина кому-то другому. И этот последний вариант весьма сомнителен, а если он рассматривается как тактический, не предполагает пересмотра всей сложившейся политической культуры, то и вовсе бесплоден.

Изменение траектории российской государственности в новых условиях таким образом, чтобы эта государственность сохранилась и, отказавшись от изоляционизма, лозунгов осажденной крепости, стала креативной частью Европы – вот в чем состоит задача сегодняшних ответственно мыслящих людей. С рациональной точки зрения задача неподъемная, поэтому придется готовить очередное историческое чудо.

Советская власть утверждала идеологически, что она – навсегда. И ее практика была такова, что и внутри СССР, и вовне было мало оснований сомневаться, что ей отведен если не исторически безграничный, то очень длинный период существования, – длиннее, чем семьдесят лет. Но динамизм реальности, на перекрестке трагизма и оптимизма, взял свое – столетий не получилось.

Путин и его номенклатура отличаются от советской власти уже тем, что не претендуют на бесконечную длительность. И не стоит быть непоседливыми, которым хочется все поскорее, пускай и анекдотично.

Путин и его близкое окружение никогда не говорят, что они не уйдут. Уйдут. И как сделать так, чтобы не стало еще хуже? Надо готовить мирное многовекторное развитие событий, при котором будет реализовано следующее: 1) относительный консенсус по исторической оценке деятельности Путина, включающий в себя существенно негативные моменты; 2) при этом – преемственность, недопустимость «охоты на ведьм» и сведения личных счетов; 3) институционализацию с целью недопущения нового витка какого-нибудь еще одного «постбольшевизма»; 4) наконец, – просто недопущение развала страны с формированием провинциально-террористических региональных режимов.

Самое главное – восстановить даже не демократию в смысле выборов и т.д., а общество в плане мирного взаимодействия разных субкультур, способных слышать друг друга. Критически важно восстановить публичность политики и обратную связь властной корпорации (одной из субкультур) со «всеми остальными», упразднить диктатуру, т.е. сделать невозможным продавливание

закулисно принятых, никому не объясненных решений, имеющее целью постоянное доказательство – любой ценой – несправедливой мощи и незыблемости властной корпорации. Если Путин или его последователи, с одной стороны, и популистская оппозиция – с другой, будут слишком долго соревноваться в «продавливании» всего того, что они умудряются придумать с целью самоутверждения, это обернется или полноценным фашизмом, или полноценным бунтом. Необходимо сделать все, чтобы избежать и той, и другой катастрофы.

Протесты, если представить себе, что именно от них придет политический результат, могут привести к демократическим сдвигам внешне революционного характера, но реально, в глубине, не дать никакого результата или дать отрицательный. Они могут повернуть политическое колесо в сторону свободных по процедуре выборов и даже к принятию институциональных правил, но они не могут создать гражданское общество, не могут породить социальную динамику с ее постоянно открывающимися возможностями и соответственной ответственностью и мирный диалог граждан и общественных групп. Протесты не могут сформировать представление о партнерстве власти и общества, шире – о социальном партнерстве. Уступки авторитарной власти протестам и эволюция в сторону гражданского общества, которое единственно может обеспечить стабильность, – это все не одно и то же.

А это очень трудно. Это было трудно осознать и реализовать в начале XX века, это трудно понять и реализовать сейчас. «Социальная кантонизация», антикоммуникативность, личная и групповая охранительность, приводящая к вспышкам плохо предсказуемой агрессии, сейчас вырисовываются как наложение русской

традиции выживания в экстремальных условиях на мировой глобализационный тренд, укрепляющий стабильность внутри «мировых каст» и одновременно очень затрудняющий межкастовые переходы, социальную динамику, – и это на фоне внешнего развития коммуникации как технологии, сетей и т.д.

Отсутствие возможности и плана решать проблему в целом не освобождает от ответственности за поиск хотя бы фрагментов решения. При этом никто не отменял необходимость указывать на то, чего делать не следует. Отрицание неверных подходов в сочетании с позитивно-фрагментарными прецедентами может опытным путем вывести на верную дорогу. Именно так, потому что становление общества, как и становление личности, происходит опытным путем, хотя неверно проводить параллели между тем и другим опытом.

Ответственная оппозиция должна досконально знать, что именно происходит в стране. Она должна в этом плане постоянно «тренировать себя». Она должна, невзирая на отказ власти от конструктивного диалога, постоянно вносить предложения по всему спектру актуальных проблем. Она должна быть готова к тому, чтобы взять на себя ответственность и бремя власти согласно закону. Оппозиция не имеет морального права быть новой итерацией большевизма, ждущей момент сбросить надоедающего многоликому большинству хозяина с тем, чтобы поставить нового и потом по ходу решать, что надо делать.

Смысл понятия русской либеральной интеллигенции – такой, какой она сформировалась перед 1917 годом, – был в том, чтобы в дисциплинированной работе над собой искать пути преобразования общества, и это, разумеется, имеет мало отношения к тому, чтобы

быть «экспертным сообществом», или же протестной толпой, или же, тем более, оборачиваться говорящими головами мизантропических индивидуалистов, радующихся творчеством сделанной гадости.

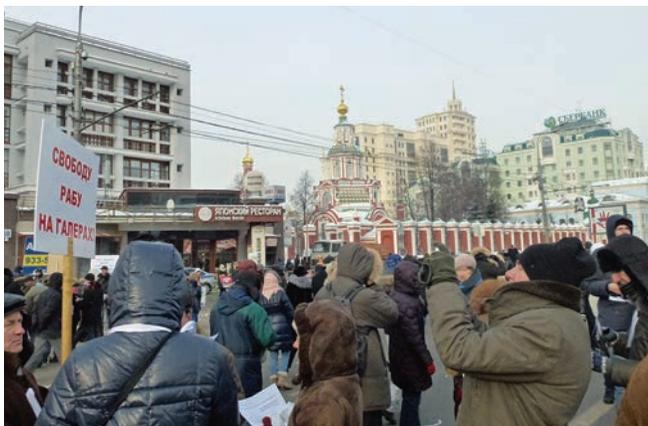
Нельзя противопоставлять разные «особого пути» разных наций и народов. Но, повторюсь, как мы хорошо знаем, исторический опыт разных народов, их политических элит, имеет свои, подчас очень глубокие особенности, развивать которые можно как с хорошим так и с плохим результатом. Была важнейшая особенность в российской элите, той элите, которой потом не стало, – это саморефлексия, как глубоко личная, так и по самым важным общественным вопросам. Даже крайность в виде образа Обломова выглядит в этом плане скорее положительно, нежели разрушительно: лучше, когда саморефлексии слишком много, чем когда ее мало или нет вообще. Саморефлексия была жизненно необходима в самом практическом плане: огромные пространства, полиэтничный, многоконфессиональный и разноязыкий состав населения. Если ты что-то решаешь сам за себя, а тем более за других, то ты обязан размышлять, размышлять, размышлять... Если в России нет саморефлексии, то на ее месте воцаряется хамство.

Культура саморефлексии гибнет сначала в 1917 году и на гражданской войне, потом при голоде и коллективизации, потом при Большом терроре 1937-го, потом при шовинистической сталинской политике конца 1940-х – начала 1950-х. После Сталина не было количественно столько жертв, но процесс продолжался, и тоже были в этом плане свои «сигнальные» этапы: после ввода войск в Чехословакию в 1968-м и после Афганистана в 1979-м.

Затем, где-то с 1986 года, наступил перерыв в большевизме, и с огромным опозданием, при невозвратности и невозполнимости потерь, дух саморефлексии, размышления над собой вернулся в ткань жизни. Но затем наступил 1993-й, разрушительное противостояние Ельцина и парламента, а потом сразу война в Чечне, гламурно-беззаконная приватизация и формирование сословия олигархов. Потом Путин с его борьбой с терроризмом, сведением всего к простым формулам ручного управления, потом... Потом опять Путин... А тут еще и конкурирующие «двойники» завелись...

Как граждане будут размышлять над собой, работать над собой? Как страна может работать над собой, будучи разрушенной в своем самом главном объединяющем элементе – традиции сложного мышления и поиска сложных решений? Только если удастся найти остатки этой объединяющей «ткани», начать ее восстанавливать, только в этом случае Россия имеет шанс выжить как общность и двигаться вперед.

*Опубликовано отдельной брошюрой
и Smartpoerjournal.ru в 2013 г.;
Relga.ru в 2015 г.*

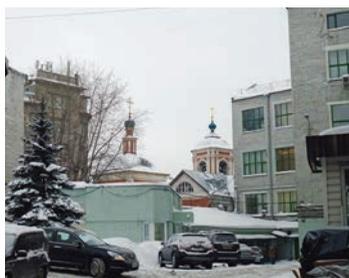
04.02.2012. Москва. Шествие оппозиционеров

04.02.2012. Москва-река

29.01.2015. В Ярославле на Туговой горе

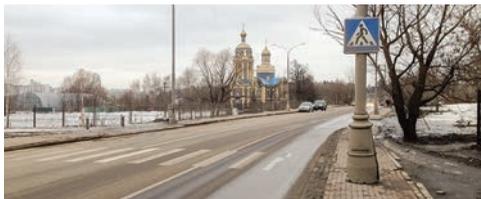
Москва. Храм Николы на Маросейке и бывший ЦК комсомола

29.01.2015. В Ярославле
на Туговой горе

03.03.2015. На московском
Троекуровском кладбище

У Троекуровского кладбища

30.07.2015. Константиновск.
Памятник советским солдатам,
погибшим на разбомбленной
переправе

30.07.2015. Константиновск.
Памятник последним
белогвардейцам (и сейчас
они для кого-то герои, для
кого-то враги, для кого-то
провокаторы)

29.07.2015. У станции Усть-Донецкой

29.01.2015. Вид Ярославля
с Туговой горы

30.07.2015. Константиновск
Ростовской области. Дон

30.07.2015.
Константиновск.
Памятник советским
солдатам

Липецкая область.
Задонск

30.07.2015. Константиновск.
Исправительное учреждение с храмом

01.08.2015. Севернее Воронежа

01.08.2015. Елец. Памятник советским солдатам,
остановившим фронтальное наступление нацистских армий

01.08.2015. Елец

01.08.2015. Липецкая область, село Хлевное

01.08.2015. Ростовская область, возле
Миллерова – очень ранним утром

01.08.2015. В Ельце.
Вывеска «Деньги сразу»

Елец, город
Ивана Алексеевича Бунина

18.10.2015. Москва,
Красносельская улица

30.07.2015. Село Привольное
Красногвардейского района
Ставропольского края

01.08.2015. Елец, кафе «Лондон»

18.10.2015. Москва,
Красносельская улица.
Здесь был нищий....

Москва, магазин
спецодежды на Тверской

Москва, гостиница «Ритц»

ИСПЫТАНИЕ ДУХА БЕЗ БЫТА И ОБЩЕНИЯ

Если и имеется в России объединяющая общенациональная историческая черта, причем для всей России в могучих имперских размерах, так это разобщенность. Фактор разобщенности создавался и усиливался веками как в силу исключительной политической неопределенности границ, инфраструктурных географических особенностей, этнического, конфессионального и языкового состава населения, так и вследствие вседвляющей традиции ручного управления.

Российские мыслители и деятели искали, обозначали и создавали разные противовесы разобщенности, но в итоге решающим для власть имущих чаще всего оказывался силовой и бюрократический фактор.

Психология россиянина вынужденно отличается подчас психопатической замысловатостью, что позволяет ему, на удивление соседям, решать иногда, казалось бы, непосильные задачи чрезвычайно повышенной сложности. Но для обычной жизни это огромный груз и угроза.

Житель бескрайних просторов довольно редко переезжает с места на место, а когда это делает, вынужден решать или иметь в виду раз в десять больше проблем,

чем средний западно- или центрально-европеец. При этом глубоко в подсознании сидит представление о временности жилья – не в каком-то «удаленном» онтологическо-богословском смысле, а в самом буквальном, прямолинейном, сиюминутном ощущении, испытанном опытом многих поколений – у каждого все может пропасть в одно мгновение, грубо и жестоко, да так, что никакой мудрый богослов не успеет проинтерпретировать смысл произошедшего.

Все, что в другом мире ощущается как истина, но через барьер метафор, в России – прямолинейно и буквально. Неимоверная устойчивость, запас прочности и свобода маневра фетишизируемой «государственности» осуществляется здесь за счет почти нулевого запаса прочности и свободы маневра граждан.

И может быть, когда-то давно, и в конце XIX века, и потом в некоторых «церковных субкультурах» находившихся под «прессом» жестоких гонений при советской власти, выросло подчас особое отношение к феномену «старчества». Воля человека отдается под постоянное руководство другого – очень опытного, чаще всего монаха, не только для правильного, осторожного духовного развития, но и гораздо более «зауженно»: с тем, чтобы он не допустил жизненной ошибки в ситуации угрозы со всех сторон и на каждом шагу, когда каждая опасность чревата крайне тяжелыми и как-бы совершенно не обратимыми последствиями, будь-то нравственная сфера, или же просто жизненные обстоятельства.

Ответственность при этом тоже переносится, полностью или в очень большой мере, на «руководителя», на «старца». И на этом поприще известны как замечательные исторические феномены, так и тя-

гостные ситуации, подчас «извне» воспринимаемые как курьезы, а иногда трагедии. Временами получается, что человек, ощущая крайнюю сложность и опасность жизни вокруг себя, решает «договориться с Богом»: я Тебе, Боже, даю послушание вот этому «старцу» и безграничную дисциплину, а Ты в ответ, уж, пожалуйста, даруй безопасное и относительно благополучное бытие моим родственникам, окружению, семье и лично мне, грешному.

В буквальном смысле послушничество и старчество – это проявления лично потрясенной судьбы. При неграмотном, безответственном отношении к этим понятиям возможна их подмена, когда они примитивизируются и становятся как-бы средством выживания в трудных и противоречивых условиях.

Россия умудрилась породить систему отношений между людьми, которая настроена на защиту от опасностей и основана на корпоративности и ручном управлении в самых разных сферах жизни – от семейно-бытовой до государственной, и многое в этих отношениях как бы списано с «околомонастырского» уклада.

Кто знает, может быть, Сталин вынес из жестких условий своей семинарии возможность приспособить к своим целям ряд правил оттуда. Он сеял разобщенность, но существовавшие иные, альтернативные и гораздо более свободные традиции существования не позволяли превратить ее в тотальную норму жизни. Позднее суррогат советской идеологии способствовал сохранению общности людей хотя бы на примитивном уровне межличностной солидарности, вербальности, способности к обсуждению и к спонтанным реакциям.

Социальная трагедия разобщенности случилась в постсоветский период. Практически повсеместно правила поведения и знаки поведения заменили общение и дискуссию. Нет возможности обмениваться содержанием, если каждый человек превращается в ролевой знак, и иначе не воспринимается. Если он вышел из «своего знака», ему следует или как можно скорее «в него» вернуться, или исчезнуть из пространства знаков, которое лишь одно способно обеспечить выживание.

Очень опасно для сохранения своего «знакового» ритма жизни получить увечье. Очень простой и жестокий пример: с артистом балета Сергеем Филиным все обошлось благополучно (по сравнению с тем, что могло быть), но с изуродованным лицом он уже не представляет собой тот знак, которым был, и его наверняка ждет большее социальное понижение, чем в случае, если бы его просто уволили с должности.

Люди-роли, хуже того – люди-схемы...

Хамство как дресс-код «хозяина», как превентивное средство от бунта подчиненных. Хамство, которое может отпихнуть только еще большее хамство. Замкнутый круг антидемократизма и антикультурности. Воспитывать так, чтобы «жизнь медом не казалась», утвердить максимальную безбытность жизни, отменить уют. Все это было присуще и сталинской диктатуре, и хрущевскому «функционализму» пятиэтажек, и брежневскому номенклатурно-милитаристскому застою, и издевательски-цинично перепрыгнуло сначала в ельцинский, а затем и путинский «патриотический гламур».

Каждый участник этого гламура понимает, что он как на пиру у Ивана Грозного: следующая роскош-

ная чаша может оказаться с ядом, а не выпить нельзя. Жизненной задачей человеческого существования становится только выживание, а способом выживания – воспитать в себе на всю жизнь отточенное искусство быть нужным собственным знаком, «микробрендом». Перестал им быть – перестал быть вообще, социально.

Модальность духовного и физического выживания, не признающая права на ошибку, всегда помнящая о стремительном наказании за нее – это род тяжелой науки. В науке отсутствует (или вторично) «хорошо – плохо», «интересно – не интересно», «красиво – не красиво», а есть главным и довлеющим образом «правильно – не правильно». И получается, что вся жизнь полностью сводится к медицине, к бытию тяжелого пациента, которому и с которым надо не ошибиться. Безграничный опыт жизни сводится к больнице или к школе, в которой обучаются «для учительницы».

Поразительная вещь, когда-то А.Д. Сахаров в ответ на вопрос «Голоса Америки» о том, как должна поступать молодежь, ответил точно сообразно своему образу крайне рискованной и в то же время очень рациональной жизни, сообразно рискованному и рациональному времени: «Молодежь должна поступать правильно». Ни меньше, ни больше! Других слов, чуть более снисходительных и допускающих какую-то вариативность, у него не нашлось.

И благословения тюрьме, где человек встречает не только земной ад, но и самые пронзительные парадоксы судьбы – благословения, которые высказал еще Достоевский, а потом повторили множество узников ГУЛАГа вплоть до Солженицына, нередко звучат в парадигме русского сознания не как парадокс и чудо (которое на то и чудо, чтобы происходить ред-

ко и носить в нравственном плане исключительный характер), а как что-то уже «обыденно-благостное», «нормированное».

Нечто подобное атрибутируется и в военной службе в экстремальных условиях, и в войне. Прямолинейным результатом такого «аскетизма», постоянного бытия среди угроз и смертельных опасностей становится вульгарный функционализм – восприятие всех внешних факторов и элементов среды обитания исключительно или прежде всего с точки зрения их краткосрочной полезности.

Окружающий мир должен превратиться в скорую помощь, в бюро срочных услуг, или отзвунуть подальше. «Не до сантиментов...». Как гласит стихотворная присказка, «у попа была собака, он ее любил. Она съела кусок мяса, он ее убил. Убил, закопал и на могилке написал...».

Функционализм не имеет ничего общего с практичностью, даже с прагматизмом. Скажем, лозунг «Земля – дома – дороги» практичен, он призывает решать конкретную среднесрочную и долгосрочную задачу. Может быть, он слишком практичен, недостаточно романтичен, чтобы быть тем лозунгом, который следовало бы начертать на историческом знамени. Но он не функционален, потому что прямо сейчас не обещает и не дает ничего. Лозунг прямолинейного функционализма может иметь, например, такой вариант: «деньги – жилище – (то, что продается в аптечном ларьке)». Или «работа – мигрантов вон – (снова аптечный ларек)». Или что-то более гламурное, но похожее по сути.

Одно из ключевых слов русского разобщенного бытия – «повинность». Когда отсутствуют образ

жизни, взаимовыручка, сопровождающаяся чувством уместности и меры, остается повинность, как недобровольное исполнение навязанного обстоятельствами реального или кем-то изобретенного нравственного долга.

Но повинность тем отличается от уравновешенных здоровых обязанностей, что лишь крайнее меньшинство способно выполнять ее полноценно и добросовестно, кто-то от страха, а кто-то от ощущения того, что нравственный долг, даже выглядящий абсурдно и безмерно, все равно должен быть исполнен сполна. Большинство же в случае внедрения повинностей отвечает на них своей «двойной бухгалтерией»: говорит «да», а делает «нет».

Чтобы в обществе очень разных людей одновременно преодолеть как угрозу распада, так и опасность твердой руки, чтобы дать возможность договариваться и нести ответственность за мир вокруг себя, а не перекладывать ее на кого-то еще, нужно то, что называется «образ жизни», «*savoir vivre*».

Нужен общественный стиль как способ общения и обсуждения значимых проблем. Нужны быт и уют, т.е. цивилизация и инфраструктура. Нужно воспитывать в меру добросовестное и ответственное отношение членов общества к вещам, среде обитания и событиям, эпизодам жизни, через которые они проходят.

Вера, нравственность, культура иерархически стоят выше «инфраструктурных» ценностей и могут – как подвиг и ответ на исторический нравственный вызов – формироваться без цивилизации, без быта, без уюта. Но насильно превращать подвиг в норму для всех и навсегда, делать исключение правилом – значит испытывать судьбу, осуществлять циничную

авантюру, а это для тех, кто предпринимает такие эксперименты, не может обойтись без серьезных последствий ответственности.

Общество – не Церковь, а политика и общественное бытие – не есть сущность нравственности, а лишь ее редукция. Но в очень высоком смысле необходимо, чтобы такая редукция была добросовестной, ответственной и милосердной.

Страна, народ, люди должны стараться по возможности прожить именно свою жизнь, а не какую-то другую. Жизнь может оказаться непредсказуемо тяжелой, но она не должна стать авантюристическим аттракционом под названием «встречаем смерть».

*Опубликовано Relga.ru
и Smartpowerjournal.ru
в 2013 году*

МОСКВА. 1917. ЗАЩИТНИКИ СВОБОДЫ. ОБЫВАТЕЛИ. ЖЕРТВЫ. ПОЭТЫ. ПОИСКИ СМЫСЛА. АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ

У

же около двадцати лет каждый год 7 ноября группа москвичей приходит на сохранившийся, несмотря на разрушение, участок кладбища возле храма Всех святых на Соколе, чтобы воздать память и честь юнкерам, которые погибли в 1917 году при сопротивлении большевикам. Важный и благородный общественно-значимый поступок. Когда юнкера погибли, среди участников их похорон был Александр Николаевич Вертинский. Про то, что он видел и чувствовал на похоронах и вообще в тогдашней Москве, он написал песню.

Почему-то некоторые инициаторы ежегодных мероприятий памяти в этот раз вступили в резкую и, на мой взгляд, несправедливую полемику с Вертинским, как бы разделяя ракурсы памяти. Думаю, что это неправильно. Мои соображения в связи с этим не претендуют на точность и полноту, но могут быть

полезны для размышлений о том, как отражается на сегодняшнем дне то, что случилось в давнюю от нас по времени эпоху.

В сегодняшних условиях почти полного отсутствия разговора, эмоции вокруг публицистики и возможных ошибок в ней подчас накаляются непомерно, поэтому отдельно отмечу, что очень не хочу кого-либо обидеть, задеть более компетентные точки зрения или просто чьи-то устоявшиеся суждения. Мы привыкли воспринимать нашу историю не через учебники и документы, а через литературу. Мы даже не замечаем, насколько в нашем ощущении истории мы зависим от художественных образов и художественных зарисовок. В этом есть подмена, но мы не в силах ее преодолеть.

Весь XIX век заполнен трактовкой через литературные образы, самое начало XX века – тоже. Но потом наступает «перерыв» между началом Первой мировой войны и тем временем, когда уже полным ходом шла Гражданская война. Перерыв, который в литературе того времени отражен плохо и мало и для которого нам труднее, чем для других моментов более ранней и более поздней истории, найти подлинное и соответствующее масштабу эмоциональное отражение. Именно в этот перерыв «попадает» 1917-й год с его Февралем и Октябрем. Полноценных художественных зарисовок этого критического момента российской истории несообразно мало.

Исторические события вершили люди с оружием и с бумажкой-мандатом, а люди словесности и вообще общество попросту многого не замечали или молчали, кардинально недооценивали важность происходящего.

После Октября 1917-го русские мастера словесности, которые во многом формировали общественное мнение и массовое сознание Петербурга и Москвы, почти не реагировали мыслью и словом на происходящее. Реагировали философы-веховцы, генералы, партийные деятели. Реагировал Владимир Короленко, тогда уже весьма пожилой. Американский посол в Петербурге Дэвид Фрэнсис понимал, что происходит нечто исключительно серьезное и необходимо предпринять что-то очень продуманное в ответ. Но это были не те, кто оставил эмоциональный словесный след эпохи, кто составил ее образ, не те, кто своим образным словом пытался повлиять на нравственный климат вокруг себя.

А те, кто обязаны были видеть правду и кричать о ней на столичных улицах, – молчали, а потом, вскоре, во множестве своем стали звать совсем не туда, куда должны были бы, оправдывать и защищать то, что нельзя оправдывать и защищать.

Поэтому всякое, пускай и несовершенное, но искреннее художественное слово, сказанное именно в это время и про это время, представляет очень большую ценность. К таким словам и относится песня Вертинского «То, что я должен сказать» («Юнкерам»). Вот ее текст:

Я не знаю, зачем и кому это нужно, Кто послал их на смерть недрожащей рукой? Только так беспощадно, так зло и ненужно Опустили их в Вечный Покой! Осторожные зрители молча купались в шубы, И какая-то женщина с искаженным лицом Целовала покойника в посиневшие губы И швырнула в священника обручальным коль-

*цом. Закидали их ёлками, замесилих их грязью
И пошли по домам под шумок толковать, Что пора
положить бы уж конец безобразию, Что и так уже
скоро, мол, мы начнем голодать. И никто не доду-
мался просто стать на колени И сказать этим
мальчикам, что в бездарной стране Даже светлые
подвиги – это только ступени В бесконечные пропа-
сти, к недоступной Весне!*

Этот текст можно прочитывать по-разному, слышать можно по-разному. Но необходимо бережное отношение к смелому и искреннему, редкому художественному свидетельству эпохи.

Александр Николаевич Вертинский – человек по своей личной и творческой биографии противоречивый, ввиду богемной размытости его жизни в эмиграции и ввиду его неправдивых и унылых шагов в направлении официальной советской культуры, когда он приехал из эмиграции в СССР (пускай они были сделаны под сильным давлением и в условиях постоянного надзора, но это не оправдывает самого художника). Вертинский во многом не смог реализовать свой творческий потенциал. Тем не менее, он – в золотом фонде русской культуры как личность и как художник.

Он – замечательный поэт и исполнитель, основоположник русской авторской песни как особого жанра, соединяющего в себе русские, еврейские, цыганские художественные традиции и делающего до того не богатую содержательным ресурсом форму городского романса средством передачи очень глубокого содержания и напряженных эмоций. Без Вертинского и его непосредственных последователей и твор-

ческих соратников, наверное, не был бы возможен Высоцкий. Ключевые творческие соратники Вертинского погибли или пострадали в ГУЛАГе.

Вертинский – не только интересный и порядочный творческий свидетель эпохи Первой мировой войны, революций и Гражданской войны, но и лично смелый человек, не прятавшийся от опасности и ответственности. На германском фронте он был военным фельдшером и лично спасал раненых.

Вертинский всегда воспринимался неоднозначно в самой разной среде, нигде не был «своим», и всюду его были склонны оценивать клишированно и поверхностно. Он легко становится жертвой поверхностного скорописания, и те, кто, не желая остановиться и разобраться, легко бросаются жестоким и насмешливым словом, рискуют войти в ненужный, но очень эмоционально объяснимый конфликт с почитателями его таланта. И дело здесь не только и не столько в самом Вертинском, здесь речь о гораздо более важном: о понимании истории, о чувстве родной страны, о способности правильно и деликатно делать серьезный выбор (вот где он должен быть, просвещенный неполитический, противостоящий ксенофобии либеральный «национализм» и патриотизм).

Вернемся к контексту песни. После большевистского переворота в октябре 1917 года в Петрограде, в нескольких центрах бывшей Российской империи юнкера и молодые добровольцы вступили в неравный и безнадежный бой с большевистскими отрядами, героически защищая единственную относительно легитимную власть Временного правительства и будущего Учредительного собрания. Эти люди сделали принципиальный выбор в безнадежной ситуации.

Такие люди – герои. Хотя нельзя считать, что правда в выборе поведения только одна и призывать всех быть одинаковыми в критической ситуации.

Но – самое главное – почему ситуация для юнкеров и добровольцев (и вообще для честной и активной свободной России) была безнадежная, а власть падала в руки большевиков-заговорщиков?

Об этом пишет и поет Вертинский, и это не слышат его жестокосердые критики, небрежно отмежевывающиеся от него, вместо того чтобы вместе с ним достигать необходимого уровня понимания истории и убедительности своих высказываний. Несомненно, у Вертинского много недосказанности. Затрудняет восприятие и то, что в дальнейшем вся его сложная биография оставляла вопросы и многозначные толкования. Но для года 1917-го сказано было много, слишком много.

Вертинский – немногий из русских литераторов, поэтов и писателей, кто БЫЛ вместе с юнкерами. Он не только считал их героями, он пошел их хоронить. А кто еще из деятелей литературы занимал такую же позицию в дни большевистского переворота? Считанные единицы, – в противовес тем, к кому прозрение пришло существенно позже. Интеллигенция, средний класс были не удовлетворены «февральским процессом», считали его бестолковым, вялым, не революцией, а так, продолжением царизма. Они хотели порыва, резкого движения всей истории, и большевики, тогда еще «мягкие котята», как им казалось, давали им именно такую перспективу. Хотелось видеть крылья, не глядя, какого они цвета.

Впрочем, февральский процесс был действительно очень противоречив, действительно провоцировал

очень большие разочарования, а большевики действительно и многим далеким от литературного творчества и политической романтики людям казались просто решительными управленцами и никакими не экстремистами: людей с воспитанной политической интуицией было немного.

А еще Москва была полуторамиллионным мегаполисом, мерзнущей и полуголодной второй столицей воюющей империи с миллионами солдат и офицеров на огромном фронте, с огромным количеством людей, пришедших с фронта, в том числе вооруженных. Главные темы, ожидания, новости были фронтовые и житейские. И вполне честные, добросовестные, но просто очень обычные по своему образу жизни и запросам люди смотрели на большевиков со своей секундной надеждой по двум темам: фронт и ЖКХ. Даже, скорее, в обратном порядке: ЖКХ и порядок на фронте. Ремесленники, официанты, извозчики, всякие слобожане, евреи, татары, антисемиты – словом, самые разные...

И что же получилось с юными военными учениками, надеждой России? С ними в этой ситуации обошлись по принципу «как получится». Если бы они вдруг каким-то чудом остановили большевиков, прогнали бы их из города, то их командиры объявили бы себя спасителями отчества, а юнкеров – тоже героями, то москвичи собрались бы, как положено, толпой приветствовать героев-начальников, а также юных героев, у которых «все впереди» на фронтовых победах.

Но чудеса не случилось. Реальные герои погибли. А вокруг уже почти никто не то что сражаться, элементарно проявить честь не был готов. Не нашлось

организаторов массового мероприятия в честь и память погибших, и стихийно Москва проявлять себя никак не стала, хотя могла бы: в тот момент еще нельзя было по-настоящему запретить.

Фронтовик Вертинский знал, что долг командира – похоронить с почестями погибшего солдата. Кто этот долг попробовал исполнить?

А «социальный мэйнстрим» боялся не пренебречь навсегда честью и свободой, не забыть погибших детей своего города, а боялся простудиться и проголодаться.

Вот об этом песня Вертинского, об этом те риторические вопросы, которые он ставит. Об этом и ответы. Если есть общество, если у общества есть честь, то кто-то в некоторых ситуациях имеет право (а возможно, и обязанность) защищать эту честь с оружием в руках. И бой может быть даже безнадежным – но исторически совсем не последним, и исторически выигранным (хотя, вспоминая разные крайние прецеденты XX века, хочется сказать: меру надо знать во всем).

А если начальники посылают детей на смерть не для того, чтобы использовать этот самый крайний способ для битвы за историю, а просто чтобы посмотреть, что же получится, если тысячи видят крылья там, где их нет, или темные принимают за светлые, если миллионы готовы отказаться от света ради хлеба и тепла, наконец – если получается так, что циничным заговорщикам нет надежной нравственной альтернативы, то проблема не имеет силового решения вроде гражданской войны. Проблема в душах людей, а не штабах и не на улицах мегаполиса.

Это почувствовал и отразил Вертинский. Примерно это выразил, наверное, свобододолюбивый Патриарх

Тихон, когда уже в разгар страшных большевистских гонений отказался даже тайно благословить белогвардейцев на гражданскую войну. И лидеры Антанты, видевшие в большевизме крайнюю угрозу себе и уж вовсе не бывшие ангелами, не захотели встать на сторону белых, ощущая, что с той стороны нет стратегического решения российского вопроса.

Большевизм ужасен по содержанию и по форме. Но, во-первых, мы сейчас «с высоты» прошедшего почти уже века видим все слишком целостно. Маяковский, Блок, Есенин и очень многие другие – миллионы людей – в той или иной форме добросовестно заблуждались в большевизме, другие точнее понимали и ощущали, но боялись договорить до конца. И кто же мы такие сейчас, чтобы чинить им всем жестокий приговор? Во-вторых, большевизм исторически размыт и неединообразен. Кровавая и циничная, но «мечтательная» жестокость Ленина-Троцкого-Дзержинского не тождественна порядку Сталина. Порядок Сталина возник из твердого понимания, что «ленинско-троцкистский» способ власти недостаточен для того, чтобы ее удерживать без рисков для себя. И, если сталинизм почти как две капли воды похож на нацизм, это не значит, что большевизм и нацизм попросту исторически тождественны.

У нацизма есть человеконенавистническая идеология, есть штабы, которые ее навязывают, есть конкретные и реальные стратегические и среднесрочные планы. Нацизм – явление, резко очерченное и навязывающее себя извне отдельным людям и целым народам. И он напрашивается на то, чтобы даже при недостатке политической рефлексии с ним не очень гнушались бороться силой (хотя, по-

вторую: всему своя мера). Нацизм можно и нужно прогнать: хуже точно не будет, должно стать лучше просто за счет того, что пропадет отстроенная система и организация безысходной ненависти. Эта система и организация требуют отторжения, изгнания, уничтожения.

С большевизмом все сложнее. Последствия от него в те моменты истории, когда он обретает свои самые жестокие формы, вряд ли лучше, чем от нацизма, но даже в своей сталинской форме он достаточно размыт, обращается к нутру людей, а не к внешнему. У него нет штабов в том смысле, в котором они есть у нацизма. Его идеология двусмысленна, зла, но назвать ее впрямую человеконенавистнической вряд ли есть основание. Большевизм не имеет стратегии, являясь подходом тактическим и оппортунистическим, он вообще способен мимикрировать подо что угодно. Причем не в переносном смысле, а буквально: Конституция СССР 1936 года может считаться либеральной, но именно под ее аккомпанемент совершались самые страшные сталинские преступления. Большевизм страшен, глобально опасен своим лицемерием. Но лицемерие – не та субстанция, которую можно победить в гражданской войне. Нации и народы имеют шанс освободиться от большевизма, если решают простой мирный вопрос: говорят «нет» повсеместному вранью; перестают считать его за доблесть; признают, что, кроме «себя любимого», есть еще люди, нуждающиеся в заботе и признании их достоинства; не считают, что задумываться не надо, потому что все равно от нас ничего не зависит; говорят «нет» цинизму, жестокости, лицемерию и не ленятся даже при заморозках чтить своих ушедших

героев, – не потому, что это нужно ушедшим, а потому, что это необходимо оставшимся, чтобы жить на Земле с толком.

Мне хочется сказать, что примерно об этом написал и спел свою очень короткую, но исторически и философски емкую песню Вертинский, – хотя я прекрасно понимаю, что очень рискую принять собственную фантазию и случайное эмоциональное совпадение за масштабный исторический вывод.

Опубликовано Smartpowerjournal
26.11.2013

ПОЛИТИКА МЕСТИ: К 25-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Двадцать пять лет назад состоялся Первый Съезд народных депутатов СССР, который стал апофеозом горбачевской перестройки и общественной деятельности Андрея Сахарова.

Тогда казалось необратимо очевидным, что слово – это поступок, что без свободы общество не имеет будущего и что ответственность – это ответственность за собственную человеческую сущность, а не перед прокурором и госбезопасностью.

Советскую номенклатуру тогда никто не сверг, да и не собирался свергать. Но в качестве публичного консенсуса всеми были приняты несколько принципиальных позиций: функционерам можно не всё; в общественной жизни могут участвовать все, и участие поощряется; ценой падения влияния Советский Союз выходит из провинциальной самоизоляции. Казалось, назад пути нет, что это исторический выбор страны после 70 лет большевизма. Но всё вышло не так.

Поскольку последствия оказались гораздо более бурными, чем на то была готова самая алчная часть партноменклатурного сословия, то после падения СССР в этом сословии очень быстро возобладали охранитель-

ные тенденции и номенклатурный реванш. Недопущение креатива стало сначала исподволь, а потом и явно задачей политических систем многих постсоветских государств, и прежде всего Российской Федерации.

«Фанатично заботиться о себе и еще раз о себе» – таков стал фактический девиз правящего слоя России еще в девяностые годы.

В этом смысле вообще удивительно, что российское гражданское общество сохранилось до сегодняшнего дня и что «патриотическая» месть из Москвы помогла задавить попытки демократического развития лишь в нескольких постсоветских странах, а не повсюду, и только теперь дошла до Украины. Номенклатура из прецедента Горбачева извлекла уроки. Потом появился еще прецедент, связанный с некоторой сменой риторики и выборами в Думу-2011, а за этим – мирные массовые протесты (причем по всей стране), показавшие, что есть граждане, готовые бороться за украденное право на альтернативу. А теперь еще Украина «сдетонировала».

Всем аналитикам понятно, что «украинский» сценарий в России сегодня маловероятен, и всем известно, что российские либералы-западники традиционно боятся революции больше, чем диктатуры, не видя в последней перспектив для позитивной смены курса. Но дело не в возможной народной революции. Дело в страхе перед собственной корпоративной системой, которая может начать менять привычки и манеры, если диалог с гражданами, гражданский контроль, активность политического меньшинства вдруг станут нормой жизни. Система может начать работать не на касту, а на граждан, но тогда и самым циничным придется подстраиваться, а они этого решительно не хотят. Поэтому они боятся даже одного последовательно

независимого депутата в Госдуме, в Мосгордуме или в каком-нибудь периферийном районе совете.

Перед Горбачевым хотели вернуть «позитивного» Сталина – тогда не состоялось. Решили брать этот реванш сейчас, чтобы «все расставить по своим местам». В этой конструкции нет места фантазии, нет места креативу, только безразличие, тотальный образ жизни «функциональных интровертов», людей офисных инструкций, заданий, обязанностей, отвечающих за форму, но категорически не несущих ответственности за результат своей деятельности. Это одновременно неосталинизм и тот дух, который во многом навязывает глобализация, реализованная в вульгарных формах.

И теперь мы «отмечаем» 25-летие того исторического съезда агрессивным номенклатурным реваншем глобального масштаба. То, что было сделано с Крымом – не просто нарушение международного права, это демонстративный сигнал к попранию любых процедур, когда «воля большинства» уже без всякого стеснения и формальностей назначается теми, у кого есть мощь государственной силы. Создается принципиально неправовое государство, уже не по скрытой сути, а по форме. После попытки всерьез провозгласить курс на верховенство закона и начавшегося вследствие этого огромного социального «учредительного собрания», которое, не прекращаясь, идет на всем постсоветском пространстве, власть России решила показать себя матросом Железняком.

С середины 90-х российская олигархическая номенклатура, делавшая на власти деньги, а на деньгах – еще большую власть, стала превращать Российскую Федерацию в «заместителя» доперестроечного Советского Союза, наводя страх и полицейский порядок.

Из публичного словесного процесса и рефлексии политика вернулась к силовой компоненте. Благо страны вновь приравнивали благу номенклатуры, престиж страны – номенклатурному престижу. Зародившееся гражданское общество – необходимый инструмент выработки хороших политических решений и обратной связи – стало «балластом» и объектом манипулятивного подавления. Но гражданское общество выжило, и его подчас «юродивая» форма не является признаком недостаточной содержательности.

На фоне последних событий в адрес «западнических» политических и общественных деятелей и групп был направлен такой удар номенклатурной агрессии, который по своему стилю отдает брутальностью, приобретает катастрофическую эмоциональную окраску и часто заслуживает самых суровых мысленных ассоциаций. И вдобавок, удар приходится не по гламурной «социальной надстройке», умеющей лишь жаловаться Западу, а по тем, кто в своей стране и для ее блага по крупицам собирает знания и необходимый опыт подчас почти незаметной деятельностью. На уровне решений и пропаганды осуществляется фашизация общества, и в этом пропагандистском зазеркалье она мотивируется «борьбой с фашизмом».

Стратегически это разрушает страну, вредит обществу и не дает реализовать позитивные проекты, но правящей корпорации «не до того»: тактическое самосохранение заставляет реализовывать «проект мести Горбачеву».

То, что долго накапливалось, наконец, вышло наружу: агрессивное евразийство, перемешанное с язычеством обрядовое и безличное «православие», реминисценции ленинградского обкома КПСС 1970–1980-х

годов и знаменитой когда-то «смелой советской оппонентки Горбачева» Нины Андреевой, кое-что из «ресурса» идеологов великой Сербии времен Слободана Милошевича, немного наглости и куража по примеру Ким Чен Ына и по-прежнему много «марксизма наоборот» от последователей «ранних девяностых», которые никуда не делись, преуспевают и продолжают нравиться многим на Западе посредством сохранения секторов власти, огромных денег, обещаний успехов, «Петербургского форума» и много чего другого, где они могут показать себя «внутрисистемными борцами за либерализм против аппаратных реакционеров».

Так что, евразийская диктатура (такая замена советской власти, которой боялись еще в середине XX века свободные русские философы) навсегда?

Зачем осуществлять процесс, который называется «переход от авторитаризма к тоталитаризму»? Зачем пытаться делать всех одинаковыми, прекрасно зная, что это вредно и невозможно? Зачем предпринимать шаги по «закрытию страны»?

Дать точный ответ, находясь внутри исторической ситуации, по ходу процесса, невозможно, да и не нужно. Но попробовать в меру сил осмыслить сигналы, которые напрямую относятся к каждому из нас, необходимо.

У тех, кто устанавливает долгосрочные и жестокие диктатуры чаще всего присутствуют очень маргинальные мотивы к действию. Даже склонные к жесткости и авторитарности мизантропы типа Александра III вовсе не считали правильным опускаться до ограничения всего, до мелочного контроля и крайнего ограничения абсолютно всех сфер гражданской свободы и личной инициативы. Мелочный контроль – удел

людей чиновничьего, а не политического склада и воспитания.

Чтобы подавлять, не допускать изменения атмосферы, номенклатурно-олигархическая корпорация прибегает к стратегии, которую можно свести к трем компонентам.

Первая составляющая: сделать так, чтобы жизнь «медом не казалась». Минимальный комфорт, бытовая защищенность и устойчивость возможностей – питательная среда для свободы и креатива. В нашей стране этого всегда было мало, так решили еще убавить. Тогда относительная интеллектуальная покорность и локальность мышления будут обеспечены лучше, чем раньше. Вторая составляющая: создать состояние неопределенности, чтобы все чего-то ждали и чего-то боялись. И если кто-то был умным, то «в процессе» станет несвязным невротиком, и можно уже не бояться, что выглядишь как-то не так на его фоне. Третья компонента: привязать своих реальных и потенциальных оппонентов к не поддающемуся четкой дефиниции внешнему врагу, который не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть влияние своей «руки» на действия «несчастливого», не может ни «сдать» его, ни по-серьёзному заступиться.

В истории существовали разные «центры» подобного «злодейства»: идейные, мистические, классовые или расовые. Во второй декаде XXI века на такую роль с грехом пополам подходят США. Ибо, с одной стороны, у этой страны всегда есть амбиции навязывать всем остальным свое видение мира, а с другой – в настоящий момент почти нет возможности такие амбиции сколь-нибудь последовательно реализовывать в инструментальном плане – они почти не присут-

ствуют на нашей сцене и мало стучатся в наши двери. Просто там, как кому-то кажется, «жизнь лучше», и это само по себе обидно.

Вообще, «жить лучше» и при этом «без нас» – неприемлемый тип существования для имперско-националистической номенклатуры. Это относится как к групповым категориям, будь то возможный прорыв Украины или электоральные, организационные и креативные успехи оппозиции, так и к индивидуальным категориям, когда вы, например, не можете заработать и вынуждены многим рисковать, если по этическим соображениям решили не унижаться и не ходить на поклон к местным князьям за «заданием» или неформальными «договоренностями».

В последнем, кстати, есть пессимистичная «новация» по сравнению с послесталинским советским периодом. Там по идеологическим причинам «социалистического строя» государство минимально обеспечивало материальными благами не только свой актив, но, как правило, и многих независимых людей и даже своих открытых оппонентов (хотя в конкретных случаях бывало, конечно, всякое). Сейчас материальное наказание за жизненную позицию (или страх такого наказания) используется постоянно и действует социально эффективно, вызывая гражданскую апатию и «приливы массового энтузиазма» по отдельно взятым поводам.

Номенклатура и ее лидеры говорят от имени «большинства». Однако, во-первых, то, как они это говорят и что при этом делают, означает подавление меньшинства от имени большинства, к тому же они сами же определяют меру такого подавления: частично или полностью. А подавление меньшинства – это не

реализация позиции большинства, а перманентное принуждение, запугивание и бандитизм. Во-вторых, серьезные позитивные преобразования в принципе невозможны без тщательного учета мнения меньшинства. Более того, безусловно отвергая любую возможность власти меньшинства над большинством, следует твердо признать, что сама идея господства арифметического большинства над арифметическим меньшинством, как показывают опыт истории и выросшая из него политическая и правовая теория, не имеет ничего общего с демократией. Постоянные ссылки на большинство по конкретным вопросам, подчас требующим тонкой и профессиональной компетенции, говорят лишь о популизме власти и её готовности использовать на своей стороне толпу.

Арифметическое большинство при демократии решает только один очень важный вопрос (кстати, тоже не всегда удачно, – но тут уж выхода нет): кому персонально доверить власть. Но дальше эта власть обязана действовать в интересах всех, опираясь на совесть, профессионализм, уважение к каждой человеческой личности. Она обязана понимать, что в конкретных вопросах следует полагаться на тех, кто больше знает и разбирается, а не на расхожие оценочные взгляды. В суде важнее точное воспоминание одного человека, который видел преступника в лицо, чем впечатление сотен прохожих и соседей, и уж тем более не слухи, которые кому-то заблагорассудилось распускать. Больному важно, как его лечит врач, а не что по поводу его болезни говорят по телевизору. Так и в политике, и в государственном управлении надо точно, аккуратно и ответственно делать свою работу, а не стремиться «показаться». Тогда тебе реально будут доверять.

А доверие граждан и «поддержка большинства» (в смысле толпы) – совершенно не одно и то же.

Российская власть существует на силе, на деньгах, на идеологическом абсурде, но без доверия. В этом ее основная проблема – проблема болезненных и жестких колебаний ее курса, про направление которого даже она сама далеко не все знает, но который почти всегда (большинство, если нужно, подтвердит) ведет не туда, куда надо.

Сторонники евразийского политического действия хотят переименовать Волгоград в Сталинград. Якобы не в честь «вождя народов», а в честь исторической битвы Великой Отечественной и Второй мировой войны. Такая интерпретация годится только для полнейших дураков на Западе. В России и странах бывшего СССР никто и никогда не воспримет такое изменение названия как переименование в честь исторической битвы.

Переименование будет понятно исключительно как попытка политически реабилитировать человека, который принес стране неисчислимые страдания, который уничтожил в 1918 году тысячи мирных жителей старого русского Царицына, который санкционировал при своей жизни назвать этот город собственным именем, который не защитил его от массовых репрессий в 1937-м, и из-за безответственности и самоуверенности которого нацистские захватчики дошли до Волги.

Тот аргумент, что во многих западноевропейских городах есть площади и улицы в честь Сталинградской битвы не является убедительным: не говоря о прочем, там нет могилы Сталина и памятника ему в самой непосредственной близости от резиденции главы государства.

За то длительное время, которое город носит название Волгоград, он вырос в территориальном отношении, вышел за прежние территориальные границы, так что переименование будет касаться по сути другого объекта.

С точки зрения памяти о Сталинградской битве, о событии и трагедии глобального и исторического масштаба, о павших в ней, о реальном историческом Сталинграде того времени, о его жителях, перенесших нечеловеческие страдания, переименование сейчас будет носить принижающий и кощунственный оттенок. В Волгограде, как мы знаем, большие трудности в сфере ЖКХ, сложная криминогенная обстановка. Не хотелось бы услышать в новостях сообщение о прорыве труб в Сталинграде или о разоблачении сталинградских взяточников.

Ведется опасная игра с огнем: внедряется идеология евразийства, выделяются большие деньги на ее поддержку, на поддержку ее стандарта социального поведения, сохранение бедности и укрепление рабства. Действует особая сила маргинальности. Слышится логически бессмысленный, и от этого еще более подавляющий лейтмотив: «Велика сила отсталости. Славно жить в сильной державе, встающей с колен!». И, кажется, ждут ответа: «На основании рейтинга Путина, добровольно прошу проверить меня на безопасность»...

Опубликовано Smartpowerjournal 01.06.2014

ЕЩЕ РАЗ О «РУССКОЙ ИДЕЕ»

Одним из индикаторов развития ответственного мирного общества является то, насколько оно мобильно. Возможность увидеть не только себя и не только свое способствует естественному обмену информацией, развитию идей, росту экономики. Нормально развивается то общество, где есть равновесие между традицией и динамикой. Тогда оно не превращается ни в хаос, ни в набор взаимно изолированных агрессивных субкультур.

При этом наиболее важна не столько физическая мобильность, сколько психологическая: можно каждую неделю летать куда-нибудь к морю, но ничего не увидеть, ничего не узнать и ничего не понять, и, наоборот, можно быть даже прикованным к постели, но через рефлексию, диалог и необходимые потоки информации охватывать глобальные процессы. Психологическая мобильность – умение слушать, слышать, воспринимать, в том числе историю и ее уроки. В современном мире глобализации при внешне сравнительно высокой мобильности наблюдается низкая и понижающаяся психологическая мобильность, склонность к формированию субкультур, в том числе существенно нового типа. Это явление опасно, и в глобальном масштабе оно угрожает мирному мультикультурализму и требует осмысления и политического ответа со стороны ответственных элит.

В сегодняшней России низкая психологическая мобильность сделана нормой повседневного существования абсолютного большинства граждан. Мало того, что они в своем большинстве почти никуда не ездят далеко от места проживания, они все меньше и меньше получают «развивающую» информацию о соседях, близких и далеких. В краткосрочной перспективе это все более усиливает привычку к ручному управлению, фатализм, пассивность, а в длительном плане формирует все перспективы распада не только общества, но и страны.

Началось это не сейчас и причин тому много. Однако сегодняшняя ситуация с ее пропагандой и «перереформатированием» национальных амбиций с Сочи («весь мир к нам в гости, мы его знаем и уважаем, стараемся мирно работать для своего и общего блага») на Крым и тем более Новороссию (кричим, что встаем с колен, и одновременно воюем рядом с домом) настолько разрушительна исторически, что представляет собой радикальный вызов. Или удастся найти правильное направление масштабного осмысления нашего положения, или движение страны в никуда уже не остановить. Тактического ответа на то, что происходит сейчас, – нет. Мы попали в тупик смысла и в тупик преемственности. Владимир Путин с его постоянной подменой стратегии тактикой (в традиции большевиков) несет за это огромную ответственность, но не он один, да и вопрос ответственности никак не подменяет и не отменяет поиски решения.

Либо глубоко наивны, либо откровенно спекулятивны попытки как-то объяснить происходящее в российском обществе противостоянием «консерваторов» и «либералов», «патриотов» и «западников». Тем более наивно говорить (с гордостью или негодованием)

о «православном» характере нынешней государственности РФ. Церковных прихожан в России существенно меньше, чем, например, в Украине; намного ниже роль консервативных и традиционных ценностей, которые как раз направили «коллективную интуицию» украинцев отнюдь не в сторону России, а в сторону ЕС и НАТО. В странах Запада вес и роль религиозной традиции, несмотря на секуляризацию и порожденные ею китчи, остаются намного выше, чем в РФ. В России, как правильно определил Григорий Явлинский, действует «замороженный хаос», все больше пропадают остатки ответственной общенациональной политико-философской повестки дня для всего государства. И, несмотря на кажущуюся устойчивость страны в режиме ручного управления, момент, когда «замороженный хаос» станет реальным и полностью ощутимым, – лишь вопрос времени.

Критически существенный парадокс конструкции общественно-политической жизни всего постсоветского мира, и Российской Федерации, в частности и в особенности, состоит в том, что, с одной стороны, СССР распался на политические фрагменты довольно логично с точки зрения природы своей управленческой системы, а, с другой стороны, относительно готовы к этому были лишь правящие номенклатуры, а общества и те, кто должен был формировать политически ответственные элиты, почти везде (включая даже Балтию) были не готовы к новой повестке дня «отдельной жизни», к ее политической философии. Политическая философия, культурное и информационное пространство, граждански ответственные сообщества полтора столетия формировались в интеллектуальном и об­разном масштабе сначала Российской империи, потом

СССР. Фактор сепаратизма и центробежности всегда активно присутствовал, но лишь романтически – в объеме попыток осмысления всего в целом, а не как приземленная программа развития той или иной отдельной территории или «политической нации». Политико-философский и практический сепаратизм был частью осмысления «целого», а не формирования «отдельного».

Невозможно на злобу дня, на потребу критических обстоятельств, даже очень страшных, взять и придумать политическую, гражданскую нацию, ее политическую философию, создать граждански ответственную элиту. Для этого требуется осознанный мирный длительный труд большого числа людей, ощущающих солидарность и ответственность (соборность – в исконном и принятом в восточно-славянских языках смысле). И мы видим, что в России, как и у многих ее соседей, не генерируются национальные постсоветские элиты как рефлексирующая и изобретательная социально-ответственная часть общества. Есть Российская Федерация – страна с ее территорией и формально провозглашаемыми целями, связанными с этой территорией. Но в сознании множества людей – это лоскутный остаток чего-то связанного совсем с другими географическими и историческими образами. Причем то, какие у кого эти «лоскутки», очень мало связано с формальными критериями образования, социального положения, принадлежности к культурной группе.

Нет национальной общественно-политической повестки государства. Интересы понимаются как национальные, а вся серьезная общественная рефлексия в силу общих и частных причин устойчиво остается наднациональной. Узко национальные интересы защища-

ют люди с агрессивной и криминальной психологией. Наслоение различных понятий «Русь – Московское царство – Российская империя – СССР – Российская Федерация» – и так дальше по кругу» довольно активно эксплуатировалось крайне правыми в империи, а затем сталинской и постсталинской воспитательно-пропагандистской системой Советского Союза. И особенно – в неформально «главной» советской республике – РСФСР. В гимне говорилось: «сплотила навеки великая Русь...». У РСФСР, в отличие от всех остальных советских республик, не было «своей собственной» Академии наук, не было отдельной организации Коммунистической партии, и это возвышало номенклатуры союзных республик, создавало там отдельные социальные лифты. Но в первую очередь, это различие было призвано говорить: РСФСР почти тождественна самому Союзу. Адресовалось это прежде всего жителям «главной» республики, «старшим братьям». Другие могли не обращать на это очень большого внимания, но те, кто жил в РСФСР, могли знать, что именно они и есть СССР, потому что они – Россия, а Россия и есть СССР. За границей СССР называют «Россией», особенно капиталистическое окружение.

Вспоминается, как с 1970-х годов по очень серьезным государственным поводам, связанным с войной, Михаил Ножкин пел на весь СССР (а потом на весь бывший СССР) патриотический шлягер: «А я в Россию, домой хочу, я так давно не видел маму...». Мама (символическая, близкая кремлевскому официозу) для самых преданных Родине советских людей заключалась в России, а не в каком-то многообразии... И если в советское время это противоречие не имело большой силы и опасности, гасилось и воспринималось «диа-

лектично», то потом оно стало жить своей собственной, очень опасной жизнью...

Критически важного значения внутри СССР подобные психологические нюансы не имели, но после распада они обернулись опасным постмодернизмом, противоречиями, которые, если не искать их логичного устранения, обязательно должны были сдетонировать. Россия, РФ – главная наследница СССР, преемница его места в ООН и Совете безопасности ООН, преемница по международным договорам, по праву на ядерное оружие, наследница его зарубежных активов. Формировавшаяся после 1991 года официальная историография РФ атрибутировала России главную и решающую роль во всей советской истории, в победе во Второй мировой войне. Это постоянно закреплялось на уровне политической символики и при участии всего остального мира. Но при этом Россия осталась в границах, не имеющих отношения к границам СССР. Это противоречие, которое требовало очень своевременного разрешения на уровне идей, а этого – по лени ли, по соображениям ли провокационного постмодернизма – сделано не было. И поэтому с таким эффектом упали в значительную часть массового сознания различные абсурдные, с точки зрения здравого наблюдения, идеологемы.

Можно говорить, что в РФ из-за особенностей ее становления и развития наблюдается «эффект незнания своих границ». Главным образом, как мы это сейчас наблюдаем, – с оттенком экспансии. Но (пускай на данный момент и в куда меньшей степени) есть и «незнание» обратного характера: в немалое число больших и малых регионов, причем не только в те, где особая этнография, можно привести идею-вопрос: а точно ли мы должны быть в РФ?

СССР развалился на в большинстве своем аварийные страны – лоукостеры, продолжающие сталинскую модель и традицию, но не традицию Российской империи и не традицию «либерально-социальных надежд» в СССР. А именно две эти традиции как раз способны создавать общественно-политическую рефлексю.

Что в Российской Федерации идет политический реакционный откат по сравнению с горбачевским СССР – было видно уже в 1992 году. Характер экономических реформ – во-первых. Далее, чистая политика: отказ от политически и нравственно естественного плана восстановить Автономную республику немцев Поволжья, агрессивная риторика по отношению к странам Балтии, очень грубое и примитивное военно-политическое вмешательство в Таджикистане, поставки оружия очевидно жестко-авторитарному Узбекистану и многое другое. СССР заменен на Россию и ее «задний двор», хотя всё еще мягко и обратимо. Общность постсоветского пространства не ставится под сомнение, как и мирный, «европейский» характер тех перемен, которые должны происходить; война и применение силы еще не стали политической и ментальной нормой.

Но особо решительный перелом – октябрь 1993 года. «Октроированная» конституция формально создала отдельную от всех российскую политическую повестку, но при этом увеличила амбиции российской власти и внутри РФ, и, в силу своей политической стилистики, за пределами страны. Российская власть стала «подниматься с колен». Амбиций и возможностей делать мировую альтернативу Западу у нее не было, но демонстрировать свое номенклатурное величие агрессивной серости и крутых денег возможность появилась. Очень редуцированные с точки зрения глобального равно-

весия, но от этого агрессивные на маленьких кусочках своей и соседней земли, амбиции стали прорываться во всю мощь и «во всей красе» люмпенско-сталинского силового мышления.

Чередой трагедий, когда в Кремле, почувствовав где-то политический вакуум или сумятицу, брались за дубину или же полагались на кого-то, кто выражал намерение быстро забить молотком всё, что как-то высывается с приглаженной поверхности, – эта череда, если на нее оглянуться, более или менее известна и довольно однообразна по своему характеру. С сегодняшним кризисом вокруг Украины угроза приобрела глобальный и слишком непредсказуемый характер, что вносит дополнительное ощущение (говоря на обычном уровне) безнадежности и фатализма. Вспоминая прошедшее и думая о сегодняшнем, можно утверждать, что всякий раз, когда брались за дубину, действительно были мотивы реагировать, действовать, но действовать совершенно иными методами, другим инструментом.

Отсутствие стимула к рефлексии, к изобретательности, к ответственности за результат – порождает функционализм. В империи, и особенно в советское время, это отсутствие проявлялось как феномен малограмотного «государственного жителя», который существует, чтобы выполнить полезную для государства функцию. Затем на это место пришло «проектное» мышление – образ жизни и профессиональной деятельности без ощущения взаимосвязи вещей, без мысли о побочных эффектах своей деятельности. С этим очень «помог» Запад, его фонды и бюрократические структуры, наивно полагая, что, механически перенося в постсоветскую среду примитив и некоторый цинизм, он не

делает ничего опасного и угрожающего своим дальнейшим развитием. Где только нет этих проектов, отдающих образами голливудской анимации, кто и что не получает публичность в качестве проекта... Проект «Путин» и проект «Навальный», проект «Сколково» и проект «Новороссия», проекты семьи, проекты работы, проекты у правозащитников, проекты у Патриархии, проекты театральных постановок и проекты защиты общественной морали...

Проекты (в кавычках или без кавычек) или же заполнение собой вдруг возникающего где-то рядом вакуума – вот чем, в первую очередь, «питаются» сейчас попытки общественной деятельности на постсоветском пространстве. Тактическая мотивация, которая забивает собой смыслы. При таком положении вещей может случиться столь сильная эскалация какого-либо до времени «замороженного» или «тлеющего» кризиса, что всем станет уже вовсе не до общественной рефлексии.

Но если вдруг самое худшее избежит нас, то быстро встанет вопрос: так что же мы делаем, почему и зачем? От чего отталкиваемся и что создаем? В любой стране важной основой развития служит национальная преемственность, знание своей собственной страны, уважение к тому лучшему, что было в прошлом в ее творческой культуре. Ни одна цивилизация не была построена на примитивном копировании кого-то другого.

Возможно, то обстоятельство, что в странах Центральной Европы при падении коммунизма остались освободительный (и таким образом вполне либеральный) национализм и «либеральная преемственность» с прошлыми эпохами, – послужило причиной более

или менее ровного и успешного проведения там политических и экономических реформ и (при всех различиях стран между собой) их включения в панъевропейскую парадигму.

Европа – это не просто стандарт, а идея единства в многообразии. И Российская империя была европейским государством, немало сделавшим для формирования этого принципа. Таких слов тогда не знали, но выходцы из империи, после октября 1917 года вынужденно переселившиеся на Запад, многое сделали для философского осмысления и «книжной формализации» этого принципа. И основывались они на своем опыте и образовании, полученных в старой, ушедшей России. В некоторых нишах брежневского СССР тоже развивались похожие идеи. Ниши для них были различны – от учреждений тогдашней Патриархии и академических институтов до некоторых отделов МИДа и ЦК КПСС.

Конец 1980-х годов, казалось бы, позволил предполагать, что соединение старых либеральных российских идей и опыта практик разных стран станет философской доминантой развития Советского Союза (или постсоветского пространства). Но не получилось. Прежде всего, потому, что новая Россия этого не выдержала, не захотела. Но конструктивной альтернативы этому, похоже, попросту нет.

Может быть, начать пробовать вновь и сначала? Опереться на стержневую, ответственную русскую свободную культуру, уходящую корнями в историю – историю богатую и реальную, лишенную озлобления и шовинистической фантастики, на культуру, которая активно учит таким личным и общественным понятиям, как свобода и справедливость. Дружба с этой куль-

турой, опора на нее – вот что может стать либеральным (или либерально-консервативным) фундаментом национального развития уже нынешней России, ее влияния на соседей, важной основой общественной деятельности. Здесь может и должен быть ответ вызовам крайней индивидуалистической безответственности и агрессивно-невежественных шовинистических империализма и национализма.

Опубликовано Smartpowerjournal 22.04.2015

В Воронеже каждую неделю проходит пикет ЗА МИР

Т

ам очень внятно ощущается, что России НУЖЕН МИР. Россия погружена в конфликт с соседней и очень родственной Украиной, это бессмысленно, неправильно и безнравственно. Россия вошла в конфронтацию со многими из своих соседей и с большей частью всего окружающего мира, это опасно и против ее интересов. В таких условиях Россия не может развиваться.

Кто и в чем бы ни был виноват вокруг нас, в этом страшном и бессмысленном конфликте мы как граждане России должны в первую очередь думать о том, что происходит у нас, что делается в России и что делает Россия, а не погружаться во вредное занятие бесконечного переключивания разнообразной вины на других, кто близко или далеко.

Не может развиваться Россия, погруженная в конфликты вокруг себя и стоящая на грани конфликтов внутри, готовая вести вокруг себя войну – холодную, пропагандистскую, гибридную или какую-то еще.

Эти конфликты опасны для всех, но огромную угрозу они таят для российских граждан, для всех – и для тех, согласен со всем тем, как оно есть, и для тех, кто дезориентрован и не может понять, что происходит, и для тех, кто высказывает свою собственную точку зрения. Пока нет мира и нормального развития, градус опасности не снижается.

России **НУЖЕН МИР**, чтобы найти преимущество по отношению ко всему лучшему, чтобы пойти путем здравого сочетания традиций и общественного и технологического развития. Несмотря на все неизбежные исторические потери, это возможно. Последствия негативного опыта преодолеть очень трудно, но возможность всегда остается. Легкомысленно, или же высокомерно и цинично утверждать, что такое невозможно в принципе. Всеобщего счастья, к сожалению, никогда не будет, но Россия может стать нормальной доброй страной.

Но в качестве певого шага в этом направлении – **РОССИИ НУЖЕН МИР!**

СПАС-НА-КАРТОШКЕ

В отношениях государства, российского постсоветского общества и институтов Русской Православной Церкви все могло бы быть иначе, если бы не поиск конъюнктуры и не бесконечная любовь к сваре. И надо понимать и ощущать, что организационно и культурально сегодняшняя Русская Церковь (с какой бы буквы ни писать название организации с центром в Москве, а не глобального и вселенского союза людей с Богом в земной жизни и вечности) – это не естественное и непосредственное продолжение Российской Церкви времени империи и эпохи Патриарха Всероссийского Тихона; это и не Московская Патриархия позднесоветского времени, – это другая организация, другое воспитание, другая культура... В чем-то сегодняшнее может быть лучше и теплее, чем то, что было когда-то (если судить не по сенсациям в СМИ и не по официальным громовержным заявлениям, а по тому, что происходит в реальной жизни на огромном географическом пространстве и в богатейшей сфере реального духовного поиска людей), но во многом оно, разумеется, «мельче», примитивнее, более двусмысленно, и оно опасно глупо на фоне разлитого моря проблем, конфликтов, истерик везде и повсюду.

Глупое, злое, вздорное – как будто нарочно очевидно. Доброе, самоотверженное, трогательное – спрятано. Беда и тяжесть забыта, прошлая или сегодняшняя. Бесхозные «Спасы-на-картошке», которые так стоят с 1930-х годов и о которых кто-нибудь один заботится на селе... Бедные приходы, где молодой еще священник живет в покосившейся избе, ездит к лежащим, про-

жившим совкокую жизнь прихожанам на «Жигулях» первой модели и не уезжает в город просто потому, что не может бросить людей... Все это – обратная сторона столичной парадности и публичной полемической агрессивности. Такова жизнь...

«Разводка» церковных организаций с общественными движениями, с большинством граждан – крайне серьезная угроза состоянию всего общества. Общественный вектор сегодняшнего московского православия мог бы и должен бы быть незаменим для поиска мира, общественных компромиссов в стране и вокруг нее повсюду и во всем, где они только возможны без отказа от фундаментальных нравственных принципов, для «открытия» страны вместо превращения ее в сварливую осажденную крепость.

Конечно, у нас завышенные ожидания: о. Александр Мень четверть века назад предостерегал от этого, высказывая очень большую тревогу о том, как проявят себя укоренившиеся в советской системе церковные институты в условиях новой свободы. Но и свободы-то не наступило... Время прошло, и если и осталась какая-то внешняя свобода для таких институтов, то – более, более, чем двусмысленная. И боюсь, что есть чья-то сознательная провокация в том, что на церковные структуры накладываются не просто бюрократические функции, но роль жесткого публичного репутационного регулятора, судьи.

Впрочем, независимо от текущего суетливо-агрессивного хода событий, есть важная долгосрочная обязанность: общество должно воспитывать себя в уважении к святыням, которые своим воздвигали, украшали, преображали предки-созидатели и над которыми потом глумились разрушители. Нужен труд уважения к

святыне, а не свара и борьба за права собственности на ценное имущество. Народная обязанность – восстанавливать свое достояние, то, что хамски разрушено не пришельцами, а нами же в припадках безумия и вражды. Здесь можно и нужно объединяться, а имущественные свары должны уйти, чтобы снова и снова не позорить нас.

Бесмысленная и беспощадная архаизация, попытка решения насущных вопросов декоративной бутафорией – это уйдет, неизбежное обновление не за горами. Надо серьезно готовиться. Издевательские бутафории, декорации – это останется в прошлом, а насущная реальность не даст от себя спрятаться.

Очень хочется, чтобы, когда не станет места маскам, не сделалось куда страшнее, горше, печальнее, чем есть теперь.

ЕСЛИ БУДЕТ МИР И ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ...

Если хотеть как лучше, – увы, опять и опять может выйти «как всегда». Но если не хотеть, как лучше, а хотеть, как бы похуже, то и выйдет не «как всегда», а сильно похуже. Война, нищание, воровство, цинизм по отношению к слабым...

Но если шаг за шагом снимать хотя бы намеренно создаваемое напряжение, то можно и на довольно «слабом ходу», без эпохальных затрат и титанических усилий, – довольно немалого добиться.

Попробую рассказать на конкретном примере, высказать такую мою личную «утопию», в которой объективно не вижу ничего нереального. Другой вопрос – субъективный, человеческий фактор...

Итак, – Липецкая область, город Чаплыгин (от времени светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова и до 1948 года – Раненбург) и Чаплыгинский район.

Предположим, восстановлен мир с Украиной, возобновлены корректные и партнерские отношения с НАТО и ЕС, принято ответственное решение не мешать гражданскому контролю над властью, в том числе местной. Что произойдет? Власть не переменится, но на ближайших выборах в районную Думу туда пройдут 3–4 (из сорока) независимых и неподкупных депутата, которые будут следить за процедурой и кон-

тролировать районный бюджет и будут в курсе всего существенного, что делают в отношении района федеральный центр и область.

Они инициируют прозрачный проект инфраструктурных изменений на территории района и сопредельных ему территориях. Каких изменений? Да вот каких, хотя бы.

Когда при царе Николае Втором построили Рязанско-Уральскую железную дорогу, которая соединила Москву (Павелецкий вокзал) с Козловом (Мичуринск) и далее, через Тамбов – с Саратовом и Южным Уралом, то ее провели из Москвы прямой линией через Раненбург, а потом вышел «крюк» через станцию Богоявленск (Первомайский). Участок, который бы соединял Мичуринск с Чаплыгином напрямую, почти существует, но несколько километров недотягивает с юго-западной стороны до Чаплыгина. Если соединение доделать, то поезда не будут ходить в обход, и время прохождения от Москвы до Мичуринска по этой трассе станет намного меньше, а значит, по ней можно будет пускать быстрые поезда в Тамбов, Саратов, Воронеж, Волгоград – вообще на юг. Если еще решить вопрос стандартизации электропитания на этой трассе, то она, возможно, может стать скоростной, не хуже той, которая сейчас идет восточным ходом через Рязань. При этом допускаю возможность некоторой разгрузки автомобильной трассы за счет переноса грузов на железную дорогу (сейчас это не работает).

Что касается автомобильной дороги, то дело выглядит уж совсем очевидно. От Чаплыгина через села Малый Снежеток и Большой Снежеток прокладывается примерно десять километров асфальтовой дороги, и тогда жители города, района и области и возможные

многочисленные гости смогут ехать в южном/юго-западном направлении, не делая пятидесятикилометровый крюк через федеральную трассу.

При помощи многочисленных специалистов-историков для гостей делается туристическая программа, в которой все интересно и все правдиво. Ведь был там Меншиков в первой ссылке, ведь жил всю жизнь великий Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, и детей вырастил тоже великих.

Собственников и менеджеров крахмального завода принуждают сделать так, чтобы не стало смертельно опасных выбросов отходов в атмосферу.

И многое, многое другое.

Пятьдесят тысяч жителей района, если они умудрились выжить и остаться людьми при Сталине, при Брежнев, при Ельцине и при Путине – в большинстве своем креативные и ответственные граждане, но очень задавленные, опасливые и разочарованные.

Они справятся, если перестать их пугать войной и не ставить перед фактом неотвратимости лжи.

БРАТ. СМЫСЛ И ПРЕСТУПНОЕ ИЗВРАЩЕНИЕ

*Личный набросок
на много тем сразу*

До Сталина слово «брат» в русской обыденности почти универсально имело положительную (ну, или нейтральную) коннотацию, авраамистическую, христианскую, европейскую. Было употребление этого важного слова с подковыркой, как иллюстрация какого-то большого обмана (как у Достоевского в «Братьях Карамазовых»). Но для какого же слова ее нет?

Что произошло в условиях сталинской монолитности и его патриотизма? Как крайняя и пугающая разобщенность стала обозначаться этим страшнящим словом?

Моя гипотеза (и я слышал это мнение от тонкого человека того времени) состоит в том, что корни надо искать, в том числе, в семинарии, где Сталин учился, где уловил немало внешнего, дисциплинарного, косно и формально следующего из древних традиций, и где одновременно утверждался во враждебности божественному началу.

В древности в христианстве, особенно на Востоке, возникла традиция старчества, – искренняя, простая и сложная одновременно, плохо и трудно понимаемая вне своего подлинного контекста, в других усло-

виях и в другую эпоху. Смысл этой традиции немного переложил для понимания широкой публикой именно Достоевский и именно в «Братьях Карамазовых». Старший, опытный брат, обычно монах, доверяя духовным возможностям младшего брата, берет на себя за него ответственность перед вечностью и перед временными обстоятельствами, а младший брат, доверяя опыту старшего, принимает на себя откровение во всем и следование той дорогой, которую показывает старший. Какие-то малые элементы таких отношений бывает, что складываются между людьми в самых разных ситуациях, ну, хотя бы в семье, и имеют фрагментарный и подвижный, меняющийся характер. В буквальном же смысле и в полной мере это – особый мир, крайняя редкость, в принципе не для всех, а только для тех, кому это оказалось дано органично, в нужное время и в нужном месте, да и в нужной мере, не насильственным образом, без налета ультиматумов и шантажа. Человек должен оставаться сам собой, а не играть роль – вот основа отношений доверия. Такие отношения ситуационно – не всегда, но временами – могут вести к внешним парадоксам, когда старший брат с младшим обращается парадоксально, и как бы абсурдно: высказывает странные с виду просьбы, поручает что-то, а потом быстро отменяет и т.д. Это может выглядеть странно, ни в коем случае не может и не должно служить универсальным примером, примером для чьего-то подражания. Основа – доверие и чувство меры. И каждый случай отношений между людьми – особый, уникальный, не поддающийся формальному описанию и обобщению.

«Институционализованные» отношения старшего и младшего брата были редки всегда, были ред-

ки в последние столетия и, естественно, очень редки сейчас. Вдобавок такие отношения, если они складываются, то еще и чаще всего привязаны к какому-то подобающему для такого месту.

Ходячая вульгаризация ничего, кроме вреда, принести не может, – ни в чем, а тем более в таком особом «формате». Но ее, этой вульгаризации, основанной на самоутверждении, как раз бывает немало. И чем выше и тоньше жизненная проблематика, тем страшнее ее вульгаризация. Подмена любви и доверия чем-то «похожим» ведет к разрушительным последствиям. Безответственное, а тем более холодное «использование методов» в условиях подмены сути отношений делает из «брата» манипулятора и убийцу. И еще, высоким нравственным началом – веры, братства, любви – нельзя пользоваться, его нельзя рассматривать как фактор житейской пользы, как фактор личной безопасности.

В России, возможно, еще в XIX веке сложилось несколько иначе. Традиция старчества, как кажется, подчас сводилась исподволь к зауженному «мистическому рационализму», к своеобразному практицизму. Уследить за этим трудно, так как в вопросе таких отношений всегда очень много личного, да еще и привязанного к «кодам» эпохи, но, пожалуй, можно заметить, что возник такой «разворот» этого феномена, когда доминирующим становится неограниченно жесткое восприятие: угрозы поджидают нас со всех сторон и на каждом шагу – и вовне человека, и внутри, в душе, а «старец» нужен для того, чтобы охранить послушника от какой-нибудь страшной жизненной ошибки. Временами как бы получается, что человек, ощущая крайнюю сложность и опас-

ность жизни вокруг себя, решает «договориться с Богом»: я Тебе, Боже, даю послушание вот этому некоему «старцу» и безграничную дисциплину, а Ты мне в ответ, уж, пожалуйста, за такое понимание ситуации, подаруешь безопасное и относительно, насколько возможно в этих условиях, благополучное бытие моим родственникам, окружению, семье и лично мне, грешному. На месте безграничного сокровища духа оказывается что-то провинциальное, гетто, субкультура. Тогда легко вообще теряется содержание, остается метод, а дальше остается «ролевая игра», изображение человеком самого себя.

То, что призвано в глубокой подлинности формировать шаг за шагом саму суть человеческой личности, нельзя использовать в порядке «ролевой игры»: получится кощунственный перевертыш, когда личность – это одно (или вообще нет ее), а роль – совсем другая, причем разная в зависимости от обстоятельств и формата «социальной группы». Происходит подмена воспитания дрессировкой, максималистическое намерение не зависеть от мира, людей, обстоятельств оборачивается крайним конформизмом. Это тонкая грань между нравственным подвигом добра и тоталитарной моделью, которая – само зло.

Когда святой пятого века много лет «поручает» ученику поливать мертвую палку в пустыне, а через годы, через прожитую жизнь эта палка вдруг расцветает – это результат веры в Бога, Творца всего, Который из ничего творит добро, чему захочет – может дать расцвести, любви к человеку, который способен воспринять крупницы, осколки, отблески творческого гения и, если он действительно хочет быть настоя-

щим, не ложным, то становится способен «транслировать» эти лучи на какие-то фрагменты окружающего мира. Когда злодей, чиновник, неграмотный фельдфебель раздает нелепые и противоречивые команды, он решает задачу поддержания порядка в социальной группе и самоутверждения, задачу циничную и абсолютно противоположную творчеству с любой буквы, а окружающих себя людей он калечит. Кем он при этом называется (бандитом, кумиром большой или маленькой толпы, командиром, корпоративным менеджером, генсеком, «духовным наставником») – это частности, не столь уж важные по сути. Он насилует и навязывает свою волю, безысходно ломает под себя. «Расставляет все по своим местам»...

Я не поклонник Михаила Афанасьевича Булгакова, но он, несомненно, был человек страдающий и масштабный, и его творческий поиск был масштабен и парадоксален. Внешне держась расположения Сталина, придумал, как через пьесу о Сталине как раз попробовать вывести свой образ жизни и творчества за рамки сталинской обрыдлости. Сталин этот «ход безысходности», конечно, разгадал и устроил психологическую «воспитательную» экзекуцию, после которой человек плана М.А. Булгакова подняться уже не мог в принципе, и ему оставалось только лично распадаться, сдаться банальностям и вскоре умереть в них. Сталин дал Булгакову право формировать творческую группу, дал всей этой группе командировку на Кавказ, – и работа могла получиться при внешней преданности вождю независимая и творчески умопомрачительная. А уже в поезд Сталин прислал телеграмму, что все отменяется. Для М.А. Булгакова это был конец без лагеря и расстрела.

«Игумен, смиряющий гордыню»... Про такую модель поведения Сталин, возможно, узнал в своей семинарии, где что-то читал, где кого-то видел в такой роли, а очень, может быть, с помрачением, трагедией для своей души испытал на себе. И стал применять, для самоутверждения и отмщения за унижение. Внешне чем-то похоже, и для сословия некоторых людей «строгой храмовой дисциплины» даже привлекательно. «Да, жестокий, диктатор, но это же вам не бесшабашный безумец Хрущев...» Когда планомерная жестокость – «не грех» или не столь большой грех по сравнению с невежественным кощунством, то, при сохранении дисциплинарной формы, вся парадигма того, что принято называть словом «благочестие» рушится полностью. Аскетическая одежда диктатора делает его не лучше, а еще хуже. И советский маршал, реально или мифически носивший с собой по фронтовым ставкам православную символику, не стал от этого подобен Федору Ушакову: если я не ошибаюсь, у Ушакова главное достоинство было, что у него в боях среди своих практически не было потерь...

...Не христианство, не Европа, а какая-то громадная евразийская секта с конфуцианским пониманием братства, семьи, народа, коллектива, с главным гуру и безответственными исполнителями из псевдо-арийских романтических мифов. И хотя это во многом коренилось в подспудных агрессивно-охранительных течениях «старой России», оттуда выросло, тем не менее, оно непомерно далеко от общей картины «старой русской жизни», которую дает, в том числе, столь трудно воспринимаемая классическая литература: принципиально иные «репутаци-

онные приоритеты». Манипулирование и внушение. Человек ответственно добрый подменяется волевым, сильным, ловким. Остальное – дело техники... Октябрь 1917, потом сталинская диктатура, потом – «далее – везде»... Попытки выстроить обратный ход ведут все туда же, потому что касаются лишь внешнего, механистичного. Впрочем, пока есть усилия, остается и шанс, что будущее не останется сплошь жестоким, тоскливым и бездарным.

Я сердечно и глубоко благодарен Г.А. Явлинскому

Огромное спасибо Г.Р. Зингеру, И.Н. Васюченко,

А.И. Акопову, А.П. Рязанцеву, Н.В. и В.В. Воронежцевым,
Т.В. Кувшиновой, Т.В. Шкред, А.В. Космынину, Л.С. Дмитриевич,
М.С. Круглову, О.Ю. Власовой, К.А. Гончарову, Е.Л. Сокирянской,
В.В. Пахоменко, В.Я. Измайлову, П.А. Петрову, П.Н. Ткаченко,
В.А. Вобликову, В.Е. Гридину, А.Н. Столярову, Д.В. Миляевой,
А. Дудуеву, И. Шавхалову, П. Вайтекунасу, Й. Жегожу, П. Вагнеру,
Т. Тингсгор, Б. фон Сюдову, Й. Зигерту, Симе Дрегвальду и всей
его семье.

**Огромное спасибо за помощь, без которой ничего
нельзя было бы сделать,** И.И. Мельниченко,
А.В. Генералову, Б.Б. Багдасаряну.

Всегда светлой памятью вспоминаю

Елену Владимировну Копытову и Володю Воронежцева.

Дамас Баранаускас, Бронюс Булика, Альгимантас Кояцкас,
Юрий Селиверстов, Елена Петрова, Марина Журинская, Михаил
Молоствов, Олег Чириков, Леонид Шавельзон, Александр Лавут,
Бенедикт Сарнов, Анатолий Приставкин, Сусанна Печуро,
Виктор Кучериненко, **память которых я очень чту, в разное
время обсуждали со мной многое из того, о чем я пишу.**

**На темы, которые подняты в этом сборнике, мы
много говорили еще в 1980-е и 90-е годы** с Виталием
Григорьевичем Андриющенко, Саулюсом Филипавичюсом,
Римасом Шаджюсом, Эгидиюсом Бичкаусаком, Натальей
Богановой, Александром Хавардом, Этьеном Де Йонгом,
Беном Схеннинком, Аннемари Гилен, Е.Ю. Васильевой,
А.В. Шпектором, А.Б. Рогинским, Е.Б. Жемковой,
Я.З. Рачинским, С.А. Ковалевым, В.В. Борщевым,
Л.М. Алексеевой, С.В. Кривенко, А.П. Куниным,
Н.Б. Улановым, В.Н. Буробиным, Г.П. Падвой,
А.Е. Абушахминой, В.А. Булгаковым, М.В. Румшиской,
Е.А. Диллендорф, С.С. Митрохиным, Л.Н. Веселовой,
Е.Л. Русаковой, Ф.В. Шеловым-Коведяевым, Д.Н. Леоновым,
О.П. Орловым, А.В. Черкасовым, С.А. Ганнушкиной,
Ю.С. Савенко, З.А. Габбасовым, Н.А. Рудых, С.А. Хомутовым,
Ю.М. Калининой, В.В. Вороновым, А.Н. Никольским,
О.С. Фоминовым.

